

Валерий Свешников

Былицы

Валерий Свешников

Былицы

«Издательские решения»

Свешников В. Г.

Былицы / В. Г. Свешников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837124-0

Автор рассказывает о приключениях на жизненном пути. Он учился в Вологде, работал на паровозе в Горьком. Армейская служба прошла на Урале. Потом была учеба в Ленинградском университете с интересными событиями, включенными в книгу. Он работал биологом, много плавал и путешествовал по Приморью и описал интересные моменты из того периода. Работает в Ленинграде/Санкт-Петербурге и повествует о любопытных событиях и лицах.

ISBN 978-5-44-837124-0

© Свешников В. Г.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	7
Цветок в клетке	16
Про «ябико и ибку»	17
Встреча с богом	18
Уроки жизни	19
Фишер – стойкий музыкант-виртуоз	20
Рынок	21
Магазины	22
Красные окна	23
Как я весну открывал	24
О рыбацкой удаче	25
Смыслы рыбалки	26
Вперед, по насту!	27
Град Китеж	28
По первому льду	29
«Кирики и Улиты»	31
Кирики и Улиты летом	32
Свобода, овевая ветром	33
Наш каток	35
Неурочный бой часов	37
Вкусный хлеб	38
Как я чуть не утоп	39
Спорт – не уроки танцев	41
О китайских товарах и китайском кино	43
«По грибы»	44
Храм	45
Иконы	46
О попугаях и кроликах	47
Дела домашние	48
Когда сугробы были большими	50
Как весна с зимой воевала	51
Проблема выбора... меры наказания	52
«Только через тряпочку»	53
Это съем, так дашь еще?	54
Дом	55
Начальная школа	60
Как я учился читать, писать и считать	64
Проступок и поступок	66
Средняя школа	68
Школа №10	70
Творог и горшок	72
В Ленинград	73
Первые впечатления	74
Следы войны	75
Первые шаги по Ленинграду	76
Баня	77

Музей обороны Ленинграда	78
Конфета	79
Самокат	80
Эрмитаж	81
Петергоф	82
Обратная дорога	83
Пятигорск	84
Москва	85
Дорога на юг	86
Дом на горе Пост	87
Машук и окрестности	89
О самостоятельности	90
Елка к Новому Году	91
Торфянка	93
Пути-дороги	95
НВП	97
Сквозь пургу	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Былицы

Валерий Георгиевич Свешников

Посвящается детям и внукам.

© Валерий Георгиевич Свешников, 2018

ISBN 978-5-4483-7124-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

На склоне лет иногда появляется потребность подвести некоторые итоги. Хочется посмотреть, что успел сделать, а что нет, короче, определить, сделал ли человек карьеру или нет. У меня эта потребность возникла после укоров любимых детей. А любовь детей – это всегда испытание.

После каких-то споров-указов мои отпрыски начали допытываться, почему-де я не делал карьеру. Я же отвечал, что все время строил не карьерные, а добрые человеческие отношения с окружающими, то есть интересовался, скорее, общением с друзьями, нашими поездками в неизведанные места, чем служебным положением.

Итак, небольшой экскурс в историю моих карьерных ходов. В первый раз соблазн сделать карьеру появился в самом начале службы в армии. Хотя считались мы в еще зелеными салажатами. Называли нас почему-то «гусями» и «фазанами». С первых дней воинской службы мы начали постигать «науку побеждать» и делать свою «карьеру». Это, по-моему, имел ввиду Наполеон, говоря, что каждый солдат носит в ранце маршальский жезл.

У нас за плечами висел не ранец, а солдатский вещмешок – «сидор», и запросы возникали попроще. Мы уже знали анекдот про сына подполковника, который интересовался у отца, сможет ли он стать, как отец, подполковником. «Да, сынок, конечно, сможешь», – отвечал отец. «А генералом, папа, я смогу стать?» «Нет, сынок, не сможешь, потому что у генерала есть свой сын».

Выбор направлений наших карьерных ходов был невелик. Так, в первые же дни службы мы узнали, что писарь в роте – это почти небожитель и счастливчик, вытянувший выигрышный билет. Нам казалось, нет, мы ничуть не сомневались, что перед писарем лежат все блага жизни и только ждут, когда он до них снизойдет. Он ведь выписывает увольнительные, которые нам представлялись пропуском в рай, пусть ненадолго, но в рай – в другую, в счастливую жизнь, где нас ждут красивые девушки, где звучит веселая музыка, люди танцуют в полумраке зала и там нас ждет все, о чем мечтает каждый солдат.

Печально, что многие из нас так ни разу и не попали туда, в этот рай. И не потому, что увольнительных не удалось получить, а скорее потому, что мечты о рае у многих настолько разительно расходились с окружающей действительностью, что пропадало всякое желание еще раз попытать счастье и его искать, не хотелось идти в увольнение, побывав там хотя бы раз.

Писарь, кроме того, может самостоятельно, без строя, ходить в столовую на завтрак, обед и ужин, и ему будет выдана его законная порция, по какому-то особенному праву. Вдобавок ко всем преимуществам у писаря имела реальная возможность съездить в отпуск! Короче, горизонты, открывающиеся перед писарем, казались просто безбрежными.

На мое случайное счастье, писарь нашей роты несколько дней назад был демобилизован. И тут мне прямо в руки свалилось счастье занять его место.

Причина такого везения была в моей специальности. Дело в том, что в нашей роте служили машинисты паровозов и тепловозов и их помощники, а я оказался электровозником. Эта экзотическая специальность для здешних глухих мест, возможно, удивила командира роты капитана Ф. Н. Дворянкина.

Он вызвал меня и после короткой беседы своим приказом назначил писарем. С этого же момента стал я работать, а точнее, просиживать штаны в особой комнатке – ротной канцелярии – и пытаться понять, когда на меня снизойдет то самое счастье служить писарем роты.

Может быть, кому-то такое ежедневное сидение в канцелярии приносило удовольствие, а мне нет! Заполнение двух-трех бумажек в день, звонки в штаб, доставка одних бумаг опять же в штаб и получение других, столь же незначительных по содержанию – это, пожалуй, чрезмерная нагрузка для молодого организма. Я просто томился от безделья.

Нет, я не фанат трудовых подвигов, по нынешним меркам, не трудоголик. Но ради каких-то благ сидеть сиднем целыми днями я не мог, а какого-то осмысленного повода отказаться от писарской должности пока не находил. Ну, казалось бы, чем не начало карьеры, и есть ли причины дергаться, если выпал такой удачный случай?

Каждый вечер, после ужина, я обычно шел в библиотеку части, там имелось вдосталь свежих газет, журналов и книг. И тут-то случился второй шаг в моей головокружительной карьере.

Я любил, да и сейчас люблю, полистать свежую прессу, особенно научно-популярные журналы. И тут мое постоянное присутствие в читальном зале привлекло внимание начальника над духом и душами личного состава нашей части. Это был довольно симпатичный капитан Свидский – зав. клубом и правая рука зам. командира по политработе батальона.

Беседовали мы почти полчаса. Свидский расспросил меня об образовании, интересах, выяснил, могу ли я рисовать и писать шрифтом объявления. А потом вдруг предложил работу в клубе. Тогда я сообщил, что не смогу сочетать обязанности писаря и работу в клубе, но капитан успокоил меня – это не проблема.

Мой рассказ в ротe своим сослуживцам о перспективе работы в клубе вызвал неподдельный восторг с закатыванием глаз и разведением рук. Меня хлопали по плечам и убеждали, что я вытащил выигрышный билет. Я и сам догадывался, что это более интересная работа, чем служба писаря.

И верно, работа была интересная, и ее было много, а я волчком крутился между библиотекой, почтой и клубом. Самое главное, дни понеслись как бешеные кони. За месяц до 23 февраля я и мой начальник – сержант Ижик – пахали, не разгибаясь, разрисовывая и старательно выписывая плакаты и лозунги к предстоящему армейскому празднику.

Еще недавно я в уме подсчитывал, сколько же дней мне служить, и при этом получалась довольно внушительная цифра – 1095 суток, а тут полтора месяца пролетели мигом. Я понял, с такой работой в клубе служба моя пролетит быстро – это по мне.

После предпраздничной гонки жизнь потекла поспокойнее, но не было рутины, а была свобода и ощутимая независимость. Всех первогодков гоняли на плацу, если температура была выше -25°C, что изрядно надоедало. Меня же это занятие теперь не касалось – с утра и до вечера я работал в клубе.

Вместо строевой подготовки я утром получал почту для клуба – это газеты и журналы в читальный зал и вороха прессы по подписке офицеров и сверхсрочников. Кроме того, я выдавал редкие посылки и бандероли, присылаемые солдатам. Во второй половине дня начиналась работа в библиотеке – выдача книг и кое-какое оформление читального зала. От такой жизни я расслабился и поверил – я сделал карьеру.

Однако и эта должность перестала радовать меня из-за тупиковой перспективы работы в клубе. Я понял, что уехать в дембель, работая в клубе, мне удастся только в самом конце декабря третьего года службы.

То есть поступать в институт просто не придется, ведь в августе наш праздник – день военного строителя. К этому времени надо будет написать много плакатов, лозунгов и прочей наглядной агитации. Тут не до вступительных экзаменов институт.

Поэтому через год я отказался от карьеры клубного работника и вернулся в свою роту – «на бочку с дымом», на паровоз.

Уже тогда я предполагал, что карьера – это не непрерывный рост и продвижение вверх по служебной лестнице. Скорее это поиски наиболее оптимального места в жизни, на котором работа приносит удовлетворение и радость, а человек, сверх того, видит смысл и логику своих действий и карьерного роста.

Кстати, со мной соглашался сам А. Эйнштейн. Он утверждал, что надо стремиться не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл. Тогда во время работы в клубе мне удавалось почитать афоризмы и умозаключения великих.

В этих маневрах я видел смысл в решительном отказе от карьеры, а окружающие – нет. Все последующие мои карьерные ходы были для армейских друзей просто непонятны. Ладно, ушел он из клуба по своей воле – это его выбор. Ладно, перебрался работать на линию и «вкатывал» на паровозе – можно понять, так он еще и ввязался в историю с офицерскими курсами. После этих курсов грозила вероятность на годы остаться работать младшим офицером железнодорожного батальона в глухой тайге. Наверное, так рассуждали мои армейские друзья, и я тоже понимал, что был возможен некоторый риск развития такого сценария.

Но в голове-то у меня созрел самый сильный карьерный ход – полный переворот в жизни – я решил пойти учиться на биолога. Меня даже отец не понимал, он считал, зачем пытаться судьбу, если уже в руках есть неплохая профессия железнодорожника?

И я сделал этот шаг! Рискнул, избежал службы лейтенантом в наших славных железнодорожных войсках, но зато получил возможность поехать на приемные экзамены и сдал шесть вступительных экзаменов в Университет. Был принят на биолого-почвенный факультет. В самый последний день моего отпуска для сдачи экзаменов – 25 августа – я получил справку о зачислении в студенты и сразу помчался в военкомат, чтобы демобилизоваться.

Получая эту бумажку, имел странную беседу, смысл которой понял спустя несколько лет. Ответственная за прием, выписывая нужные бумаги, спросила меня: «Ведь, наверное, ваш отец – Свешников?». На что я честно ответил: «Да, конечно». Потом узнал, что был, оказывается, известный зоолог – сотрудник ЗИНа и мой однофамилец. Но ведь и мой отец – тоже Свешников. Так что я не обманул никого и не пользовался услугами разных протеев.

Во время учебы какую-то карьеру сделать трудно, разве что отлично учиться. Но тут у меня были серьезные препятствия, что, впрочем, понятно, ведь школу-то я закончил шесть лет назад. Приходилось «пахать» с утра до вечера, а иногда перед экзаменами ночами сидеть за книгами.

Мой сын и главный «оппонент», сомневающийся в качестве моих карьерных действий, наверное, помнит, что некоторые задания, присылаемые из института, я помогал ему выполнять. Так что кое-что от прежних знаний и упорных занятий надолго осталось, но кое-что, конечно, и забылось.

На курсе меня как самого старшего назначили старостой, и эта маленькая должность позволяла стать своим человеком в деканате. Это ведь тоже своего рода карьера. Перед окончанием университета мне советовали обратить внимание на кафедры, после окончания которых можно там остаться по распределению и, подразумевалось, делать научную карьеру.

Однако же я выбрал кафедру энтомологии для специализации и не спонтанно. Наш декан, блестящий ученый А. С. Данилевский, предложил сделать, как теперь бы сказали, модернизацию учебной программы. Он набрал шестерых студентов и предложил такой список курсов, что мы учились сразу на двух кафедрах: и энтомологии, и физиологии человека и животных. Это ли не карьера?

Надо признать, я избегал узкой специализации в обучении, меня привлекали направления, где можно заниматься общебиологическими вопросами. Возможно, поэтому впоследствии с удовольствием писал учебник по основам современного естествознания.

С такой специализацией некоторых из нас пригласили работать и поступать в аспирантуру ФиБа. В это время мне шел уже двадцать девятый год, и раздумывать об иных карьерных вариантах стало поздно. Я подавал документы в аспирантуру в этот Институт и поступил.

С этой аспирантурой связано необычное стечение обстоятельств, в результате которого менялись все планы. Когда я предполагал поступать в аспирантуру, то своим научным руководителем хотел бы видеть заведующую лабораторией А.К.Воскресенскую – ученицу акаде-

мика Орбели. Она продолжала развивать идеи своего учителя, была интересной и умной руководительницей нескольких направлений исследований. К несчастью она вскоре трагически погибла. Заведовать лабораторией стал парторг института, ее ученик В.Л.Свидский – опять вдруг всплыла эта фамилия.

Он теперь становился моим научным руководителем. Но у меня не получилось с ним нормального взаимопонимания. В.Л.Свидский через год стал директором института. Но ни я, ни мой научный руководитель не горели желанием последующего сотрудничества. Хотя делать карьеру в лаборатории у директора института – это был бы сильный ход.

Если уж я ушел от первого Свидского, то и от второго я тоже ушел. С легкой душой и большими надеждами я поехал через всю страну во Владивосток в Институт биологии моря. Поехал не один, а с Борисом – другом по аспирантуре.

Одно название этого института завораживало – оно звучало, как сказка. Институт биологии моря принял в свои ряды нас с Борисом. Мы застали момент бурного развития института. Приезжало много новых сотрудников, чаще в душе романтиков, жаждущих интересной работы. Мы с энтузиазмом включились в круговорот институтской жизни.

В нашем институте карьерные возможности были довольно большими, но и работы по изучению морской живности непочатый край. Несколько неординарных и ищущих коллег предложили нам участвовать в организации новой морской экспедиционной станции в бухте Витязь. Мы с Борисом с удовольствием включились в эту почти авантюру, потому что пока то в этой бухте располагались остатки военно-морской базы. Наша жизнь стала чрезвычайно активной и очень интересной.

Жили мы в общежитии, где в двухкомнатной квартире насчитывалось тридцать жильцов. К счастью, большая часть прописанных там держалась подальше от дирекции института и обреталась на разных экспедиционных станциях от Магадана и Камчатки до Находки и Сахалина. Месяц-другой мы покрутились в котле общежитской жизни и быстро поняли, что в самом институте ни жить, ни работать просто негде – нет места в физическом смысле.

До постройки станции в бухте «Витязь» мы перебрались на остров Попова, на нашу институтскую морскую экспедиционную станцию – МЭС. Там тоже строили, ловили морских обитателей, изучали водолазное дело, получали права на звание капитана маломерного судна, делали обязательные прививки от энцефалита. Да и просто обживались на Дальнем Востоке с его красотами, экзотикой, традициями и необыкновенными людьми. Ни о какой карьере даже речи не шло, да и в помыслах такого не было.

И вдруг, находясь в командировке на конференции в Москве, узнал, что меня назначили замдиректора института! Надо признать, что наш директор института А. В. Жирмунский любил кадровые перестановки в соответствии со своими желаниями и симпатиями, а не для пользы дела.

И тут я попал под раздачу, хотя не прилагал никаких усилий. Подозреваю, что причиной или пружиной такого поворота событий стало мое удачное толкование какого-то латинского выражения в нужное время и в соответствующей компании. Тогда на каком-то совещании в составе нашего завлабораторией Л. Е. Пинчука, А. В. Жирмунского и еще нескольких человек я неосторожно проявил излишнюю начитанность. Так, случайно свершился первый шаг в моей карьере на Дальнем Востоке.

За три года аспирантуры в ФиБе и работы в Институте биологии моря я понимал, что замдиректора института – важная фигура, почти ладья, если применять шахматную терминологию и диспозицию. У него и зарплата выше, да и возможности открываются большие.

Так, мне сразу удалось получить комнату в общежитии. Правда, далеко от Академгородка – в районе бухты Тихой.

Зато это было свое жилье. Хотя в этой бухте затишье бывало редко, так как постоянные туманы сопровождалась ревом «туманного гонга». Но все недочеты снимались, потому что мы

молоды, а сон наш был соответствующим – молодецким. Сейчас кажется странным, что всем крепко спалось под звуки-стоны этого гонителя кораблей от опасных скал. Особенно хорошо спалось после разнообразных культурных мероприятий в Клубе интересных тем – в КИТе, в веселых компаниях знакомых и друзей.

Утром нас увозил на работу служебный автобус, а вечером привозил обратно. Вроде бы и удобно, но сидеть в кабинете зам. директора каждый день с девяти до восемнадцати, перечитывая поступающие бумаги и подписывая (или нет) исходящие, было совсем не по мне. Я уже с нетерпением ждал выходных, чтобы съездить на МЭС, где можно понырять с аквалангом, да и просто поработать руками для подготовки будущей нашей лаборатории.

И тут, как всегда неожиданно-негаданно, пришла пора отправки наших сотрудников в совхоз «на картошку». Сверху пришло распоряжение, что все трудоспособные сотрудники должны отработать свой срок и отдать долг Родине. Объявление, к счастью, не сопровождалось советами типа «ни шагу назад» и «стоять насмерть», но выглядело довольно многозначительно и устрашающе.

Во Владивостоке даже появились плакаты, в которых проступала туповатая старательность крайкомовских партчиновников. В самом центре города, близ кинотеатра «Океан», воздвигли самый настоящий шедевр бюрократического ража – большой плакат со словами: «Строитель! Ложи кладку ровным швом за себя и за того парня, уехавшего на сельхозработы!». Кто-то потешался над этим продуктом слепой исполнительности, а многие его уродства даже не замечали.

У наших сотрудников никакой замены быть не могло – каждый вел какое-то свое исследование, и перерыв в работе часто сводил насмарку всю серию опытов. Мне пришлось проводить своего рода собеседование почти со всеми сотрудниками института.

Косяком шли разного рода болезненные коллеги, занятые научной или учебной работой, молодые матери и матери-одиночки, пестующие своих малышей. У всех имелись веские аргументы против поездки «на картошку».

Время шло, приближался срок отъезда сотрудников отдавать долги своей Родине, почти каждый доказывал, что не он или она должны Родине, а как раз наоборот, Родина должна помочь завершить начатое дело. Мне удалось наскрести едва половину необходимого количества «боевых единиц». Я пошел со своей проблемой к директору ИБМ А. В. Жирмунскому: «Что делать? Уж сроки близятся!»

Жирмунский распорядился собрать всех мною освобожденных от колхоза завтра утром. А мне посоветовал внимательно посмотреть, как надо работать с людьми. Назавтра мне был преподан урок такой эффективной работы.

А. В. Жирмунский вызывал сотрудников по одному и с ходу задавал решающий вопрос. Например: «Вы хотите весной защищаться?»

– Да!

– Вот поэтому съездите на полмесяца в колхоз.

– Но у меня эксперимент!!!

– А Вы его отложите и за это время обдумайте, как можно сэкономить время.

Другому Жирмунский говорил:

– Вы как хотите, сейчас хотите поехать на две недели в колхоз или осенью на месяц?

– Но я не могу – у меня гипертония и диабет!

– Ну, тогда нам придется с Вами расстаться. С такими болезнями нельзя работать под водой и ездить в экспедиции.

– Но я же много раз ездил и все обходилось!

– Вот поэтому съездите на две недели и не забудьте про лекарства. Хорошо?

– Хорошо!

Я понял, что никогда не смогу так выкручивать руки и знать всю подноготную каждого сотрудника. А Жирмунский знал весь компромат на каждого, все его плюсы и минусы, все слабые места, когда, что и как каждый говорил, писал, работал и в чем участвовал, в чем были его промахи. Он помнил об этом долгие годы, а в нужный момент припоминал и выкидывал факт, как козырную карту.

В ту пору заметное разнообразие вносили поездки на «Витязь», но угнетало то, что настоящей интересной научной работы у меня еще не было. Я продержался в замдиректорах около года и попросился на свободу. К счастью, желающих занять такое теплое место оказалось много, и Жирмунский быстро нашел мне замену. Но... не отпустил меня совсем, а предложил нашей парторганизации выбрать меня секретарем. Такой расклад меня также не радовал. Хотя карьерные возможности для парторга института были не меньшие, но мне-то они не нужны – жилье пока есть, а работы на станции опять не будет.

Была, между тем, еще одна закавыка, о которой знал только я. Дело в том, что уже больше десяти лет составлял мой партстаж членства в нашей партии – вдохновителе и, стало быть, организаторе всех наших побед, а может и бед. В армии, в некотором отрыве от действительной жизни, что-то подвигло меня на вступление в партию.

За последующие десять с лишком лет я понял, что не приобщился к «делу построения коммунизма», как тогда звучало и говорилось даже из утюга, а не только по радио и ТВ. Зато понял, что я вступил, то есть вляпался по самое не балуй. Обратного хода я пока не видел, и я потихоньку становился то ли циником, то ли тем самым внутренним эмигрантом. По мере роста моего партстажа я слышался такого откровенного пустословия, что уже не хотел его больше слышать и тем более самому говорить нечто подобное.

Могу поделиться своим опытом внутреннего сопротивления хотя бы в том, что вместо того, чтобы давать рекомендацию для вступления в КПСС, я по-хорошему, в моем понимании, рекомендовал человеку подумать и даже воздержаться от этого поступка. Среди близких и друзей есть четыре человека, которым рекомендовал не брать рекомендацию, а еще раз хорошо подумать. Правда, только двое из них потом сказали мне спасибо.

Я понимал, что, будучи секретарем парторганизации, мне придется постоянно идти против собственных убеждений и, самое главное, мне надо будет делать раз в год отчетный доклад! Это наш дорогой Леонид Ильич почти с энтузиазмом читал отчетный доклад на партийном съезде раз в четыре года. У него, я думаю, не было сомнения в правдивости написанных слов, а у меня заранее созревало убеждение, что рука моя не поднимется на написание доклада, а язык мой не станет слушаться. Ведь я же знал, что не могу вдохновенно врать.

Этот ужас, летящий на крыльях красных партийных знамен, неотвратимо нарастал, так как приближался отчетный доклад. Я его, конечно, написал и готовился к собранию, но мне претило читать вслух любые партийные тексты – доклады, лекции и прочие сообщения. Мне всегда было интереснее передавать смысл, основное содержание, и как можно более сжато. Короче, мои ежегодные отчетные доклады были потрясающим аттракционом. Хорошо, что вход на партсобрания закрыт для посторонних. Иначе был бы аншлаг!

После доклада, когда я, красный, взмыленный и несчастный, слезал с трибуны, ко мне подходили друзья и знакомые, все меня утешали, советовали, сочувствовали и недоумевали – ты нас удивил. Последние говорили примерно следующее: «Мы тебя не узнаем, куда девалась твоя легкость речи, мысли и прежний юмор? Что-то случилось?» Я же знал в чем причина такого провала. Все дело в том, что попытки читать доклад – и дело с концом – не пройдут, я даже не смог искренне прочитать уже написанное.

Между тем, я не упомянул о карьерных возможностях парторга. Безусловно, они довольно велики, но не для меня. Не могу я переступать через собственные принципы, и поэтому у меня не было даже помыслов делать карьеру, а вместо того все крепло желание сочетать партработу и с работой на станции «Витязь».

Мне удалось уговорить Андрея В. – сотрудника института – согласиться поработать в партбюро на оргработе. И теперь мы с ним менялись «дежурством» в партбюро. График наш был прост: неделю я нахожусь в институте, а Андрей в это время на станции. А через неделю мы меняемся местами. Стало чуть-чуть полегче. Жизнь налаживалась.

На партпосту удавалось даже изредка делать добрые поступки. Так, если требовалась виза для характеристики перед поездкой за границу, то со стороны партбюро не было возражений для хорошего сотрудника.

Время от времени появлялись письма с осуждением тех или иных маргиналов (с точки зрения ЦК КПСС). Такие письма я не подписывал, находя уважительную причину. Тут к месту была необходимость отбыть на МЭС.

Не стал я подписывать и отрицательную характеристику Софьи Х. Она собралась эмигрировать на историческую родину и воссоединиться со своим братом. В те годы для получения такой визы нужна была характеристика с места работы. Естественно, наши отзывы были хорошими – как научный сотрудник она, как все – работает..., принимает..., участвует... Я ее, естественно, подписал, не задумываясь, да и над чем тут раздумывать.

Уже через полчаса мне позвонили из крайкома КПСС и гневно попросили прибыть для серьезного, безотлагательного разговора. Стало быть, просят предстать для выволочки. Ехал в крайком почти час, а вот как характеристика, не устраивающая их, там оказалась за полчаса – это загадка. Пытались мне «выкрутить руки», в смысле, заставить переделать характеристику, чтобы там обязательно указывались недостатки сотрудницы. Я уперся, сотрудник «компетентных органов» настаивал, но я не сдался. Так и разошлись ни с чем. Зато больше меня не стали избирать в партбюро. На том и карьера пошла под откос, и скоро я стал свободен, как птица.

После этих событий заметно изменилось отношение ко мне у директора института. Он, видимо, внес меня в списки лиц с подпорченной репутацией. Кроме того, я стал сотрудничать с неакадемическим Институтом ТИНРО, в смысле, участвовал в научной теме по изучению поведения крабов. Такой поступок в глазах Жирмунского почему-то считался почти проступком. Я стал подумывать о том, чтобы перебраться жить и работать в Ленинград.

К счастью, весной 1977 года я неожиданно получил интересное предложение поработать в ФИНе в Ленинграде. Собрал вещи, упаковал их в контейнер и совсем было отправил его в Ленинград, да случилась весьма знаменательная неувязка.

По вине невнимательного шофера мой контейнер перевернулся и встал вверх тормашками под низким железнодорожным мостом. В тот миг я подумал, что, возможно, начинается совсем новый этап жизни, а все мои прежние карьерные наработки не могут пригодиться. Так и получилось.

Итак, я прибыл в Ленинград. Почти год проработал с по интересной теме с замечательным ученым и человеком М.М.Щербой.

Примерно через год прознал об исследовательской группе в Пединституте, где работали мои однокурсники из Университета. Они меня и пригласили туда работать. Мы стали научными сотрудниками кафедры анатомии и физиологии на договорной основе, то есть временно, а изучали нервные механизмы работы клешни рака.

Проблема заключалась в том, что военным хотелось создать подводного робота, способного найти в затонувшем корабле «черные ящики», снять их и поднять на поверхность.

Я понимал, что такая хотя и интересная, но все-таки ненадежная работа не может продолжаться долго. Но задержался я там почти на десять лет. Был доволен сложившимися отношениями в группе и интересными результатами работы.

Моя партийность и тут обошлась мне дорого – попал в партбюро факультета. Едва отбился от очередной скучной карьеры, но это небольшое партийное поручение помогло мне впоследствии попасть в доценты. Между тем, отдельные фигуры из партбюро иногда далеко шагали, вовремя делая удачные ходы.

Так что можно сказать, что у меня не получилось стоящей карьеры. Но зато я остался честным человеком. И сделал за свою жизнь не так уж мало, но почему-то все, чего я достиг, не котируется у моих потомков. Но надеюсь, время нас рассудит.

В то же время у тех, кто стремился делать карьеру, иногда она удавалась, но были ли счастливы они – вот в чем вопрос. У многих «целеустремленных» ни с того ни с сего возникли, да и сейчас возникают депрессии и чувство неудовлетворенности. Возможно, причины кроются в том, что кто-то, по их мнению, сделал более удачную карьеру. Примером тому могут служить возрастные кризисы в сорок или шестьдесят лет и прочие недуги души и тела.

А зачем мне это надо? В эти кризисные годы я не подводил такого рода итогов – а оценивал их как важные вехи на пути, в активной работе и в познании нового.

Это изучение нового объясняется еще и с тем, что я часто менял работу и направление исследований. Это, в свою очередь, вызывало изменения в восприятии. Так, в сорок лет сменил место работы с Дальнего Востока на Ленинград. В пятьдесят из науки перешел на преподавание в пединституте. В шестьдесят написал учебник по основам естествознания, а преподавание зоологии сменил на преподавание этой новой дисциплины.

В пединституте опять меня судьба испытывала, то есть искушала возможностью делать карьеру. Как всегда, самым обычным карьерным ходом в те времена могла стать партийная стезя. Надо сказать, что немало моих современников купились на эту с виду легкую карьеру. Они терпеливо, а иногда и ревностно выполняли разные партпоручения и, попав в партадминистрацию, цеплялись за эту карьеру и иногда выходили в высшие сферы.

Особенно большие возможности открылись перед ними в перестройку и после нее. Некоторые из них достигли высших должностей уже в наши дни. Но ударная возгонка таких деятелей теперь представляется как имеющая довольно печальный результат для нас, а по большому счету для Родины. Приведу пример, который наблюдал и до сих пор наблюдаю. В соседнем с нами помещении кафедры физиологии биологического факультета пединститута занимался своей диссертацией Игорь. Когда началась перестройка, он вступил в одну из демпартий. Я больше занимался с детьми и отдыхал от партийных дрызг.

Поэтому присматривался к тому, какое демократическое движение наиболее интересно, то есть искал партию, которая была бы ближе к моим представлениям о праве, свободе и справедливости. Я так и не выбрал такую партию, подходящую мне по духу, всего скорее, потому, что демократические партии искусно стравливали друг с другом, а общего фронта они так и не создали.

Время от времени до нас доходили слухи о крутой карьере Игоря, а потом он оказался в самых верхних эшелонах власти. Но что может сделать биолог по образованию в области экономики и отношений государства и монополий? И эта беспомощность непрофессионала видна по результатам работы наших экономистов, политологов и прочих «спецов», вернее, по отсутствию оных. Игорь сейчас раздобыл и еле-еле помещается в экран телевизора. По его внешнему виду можно предположить, что он доволен своей карьерой, но я бы не хотел оказаться на подобном месте. Не уверен и в том, что он искренне может сказать, что счастлив. Судя по его глазам, больших радостей от работы он не имеет.

В результате перестроечных изменений в стране и возникших проблем с договорными работами в 1985 году я постарался ухватить удачу за хвост и нашел работу преподавателя на факультете начальных классов. Читал лекции и вел практические занятия по зоологии и вскоре стал доцентом. Ну чем не крутая карьера. Между тем, судьба опять стала меня искушать карьерным ростом с головокружительными перспективами. Через год с небольшим я вдруг оказался на должности замдекана на нашем факультете. Казалось бы, довольно неплохой трамплин для любителей бумажной работы, многочисленных обязанностей и полубессмысленных отчетов. Ан нет, и это не по мне.

За время работы в пединституте я видел нескольких коллег, сделавших быструю карьеру из замдеканов. Так, В. П. Сомин стал даже ректором нашего института, теперь уже университета. Он тоже одно время поработал замдекана биологического факультета, а потом лихо шагнул в проректоры.

Не знаю, как он одолел без внутреннего сопротивления эту рутинную работу, я бы не смог ею заниматься. Например, мне пришлось определять средний уровень успеваемости. Этот показатель мне казался таким же нелепым, как средняя температура по больнице. А отчеты по средней успеваемости надо было подавать каждый семестр! Зачем? И кто читал эти отчеты? А какова реакция на случаи плохой успеваемости? Звонили из ректората и советовали повысить успеваемость? Никто и никогда никак не реагировал на наши отчеты. Были и другие показатели нашей работы, и все они представляли собой высший бюрократический пилотаж.

Я вспоминал времена, когда мы учились в Университете. Мы тоже получали двойки, но если ты не исправил их и в течение семестра, а их накопилось две-три, то говорили: забирай документы, и прости-прощай, Университет.

Выдержал я замдеканскую должность около полугода – чуть больше семестра. Сильно угнетало меня и обязательное присутствие на рабочем месте – в кабинете – в течение почти шести дней в неделю. И попросился я на волю, в пампасы. Как я радовался свободе, трудно передать. Простая доцентская нагрузка позволяла быть более-менее свободным два-три дня в неделю, а с малыми детьми это большое преимущество.

Почти по пословице – кто везет, на того и грузят – меня тут же вовлекли, можно сказать, залучили в партбюро. Выбрали секретарем по оргработе, то есть мне поручалось собирать партвзносы, писать протоколы и отчеты, что тоже не самый увлекательный процесс. Я тихонько отбрехивался от разных проверяющих и ждал приближения перевыборов.

Вскоре грянула перестройка, и началась такая круговерть, что все быстро поменялось. На одном из последних партийных собраний я проголосовал против предложенной формулировки какого-то безобидного положения. Я оказался один такой. Председатель огласил: «Столько-то голосов „За“, столько-то „Воздержались“, а один Свешников „Против“». Но были уже новые времена и новые правила.

Потом начались изменения во всей системе образования. Все желающие сделать карьеру делали ее на костях тех, кто не хотел терять прежние традиции и менять отношение к любимому делу. Карьера многих пошла в гору, а я и кое-кто из друзей и единомышленников боролись, как могли, с Болонской системой, с пресловутыми ЕГЭ и прочими скоропалительными новациями.

В борьбе с системой трудно сделать карьеру, но зато можно остаться честным человеком. А главное, создать себя вопреки нарастающей серости и интересно прожить ту часть жизни, которая тебе отведена.

Вот я и думаю, что эти достижения, пожалуй, будут поважнее многих других.

Цветок в клетке

Этот случай с «растительными объектами» произошел в раннем детстве, а потому мало что осталось в памяти. Но довольно хорошо помню, как однажды я проснулся ночью и обнаружил у себя на груди отпечаток какого-то странного рисунка. Он походил на след, который возникает, если к коже надолго прижать ткань с вышивкой или какой-нибудь предмет.

Так, возможно, и у меня появился рисунок, напоминающий что-то вроде клетки из прутьев или проволоки, а в клетке находился цветок, похожий на ромашку. Верхушка цветка как бы протискивалась между прутьями клетки и немного возвышалась над ней.

Видимо, в четыре года меня уже одолевало любопытство. Я стал искать на ночной рубашке и пододеяльнике рисунок, который мог бы оставить этот след, но ни аппликации, ни похожей вышивки нигде не нашел. Да и откуда ей взяться – я ведь не девочка, чтобы на меня надевали рубашонки с вышивкой.

Помню только, что спросил об этом цветке маму, но что она ответила, как-то забылось, но, кажется, она тоже не могла найти объяснения этой «тайной печати». До сих пор иногда вспоминаю об этом случае и ищу в нем какие-то смыслы.

Про «ябико и ибку»

Одно из ранних моих «программных заявлений» случилось в два-три года. Судя по воспоминаниям, было еще довоенное время. Наша соседка Екатерина Александровна была деланно участливой и казалась заботливой тетей. Так, однажды, как рассказывали родители, Е.А. спросила меня перед уходом: «Что бы ты хотел, чтобы я принесла в следующий раз?» Они понимали, что это вопрос риторический и ответ на него не имел никакого значения. Он был рассчитан на то, что я забуду про то, что попросил.

Однако я верил в справедливость! И я ждал исполнения своих чаяний, поэтому заявил: «Принеси ябика и ибки». В переводе на человеческий язык мне хотелось яблока и рыбки.

Как часто бывает у взрослых, моя тетя забыла про наш разговор. При следующей встрече я старательно смотрел на руки моей родственницы в надежде, что получу обещанные «ябики и ибку». Правда, произнес только: «Ябико?». Может быть, поэтому при нашем расставании ни вопросов, ни обещаний уже не было.

Удивительно то, что и до сих пор я больше всего люблю всякую рыбу, а из фруктов – яблоки. Оказывается, пищевые предпочтения человека могут проявляться довольно рано. А посему родным и родственникам стоит прислушиваться к просьбам детей – они бывают, можно сказать, программными.

Встреча с богом

Среди близких не было истовых приверженцев какой-либо веры. За исключением, пожалуй, деда – Александра Алексеевича. Дедушка отличался строгостью веры, почти как старообрядец.

В те времена почти все считались атеистами, как и мои родители. То есть они не ходили в церковь, но тайком пекли и святили куличи, не постились, да и не было особой нужды, так как не всегда можно было достать скоромного – мяса любого вида. Большие церковные праздники, конечно, знали и помнили.

Меня крестили, но тайно, дома, приходящим священником. В церковь водили меня главным образом соседки. На первом этаже нашего дома жила Маша (Красильникова) – бывшая монашенка. Вот эта Маша чаще других и водила меня в церковь.

Хождение в церковь в те времена обозначало путешествие на окраину города на одно из кладбищ. Все потому, что в Вологде все церкви были закрыты, и только на кладбищах еще действовали храмы. Поэтому ближняя от нас церковь была на Горбачевском кладбище. Вот туда, в Лазаревскую церковь, меня и водила монашенка Маша.

Однажды, когда я вернулся из церкви, мама меня спросила, что интересного я увидел и узнал. Говорят, я ответил, что видел бога, и он вертелся на одной ножке! Изумлению окружающих не было предела. Я как мог объяснил смысл своего заявления, но так и оставалось непонятным, кого же я посчитал за бога.

На следующий раз, когда Маша привела меня в церковь, она попросила показать того бога, которого я увидел неделю назад. Я показал на... вентилятор, который неторопливо вращался под действием теплого воздуха, выходящего из церкви.

Все стало ясно. Я видел «Бога, вращающегося на одной ножке», потому что вентиляторов я до сих пор не видывал – у нас их нигде пока не встречалось. А этот единственный оказался сломанным. Так стало понятно, что только прогресс и наука иногда разрушают наши религиозные заблуждения. Но иногда они вводят в заблуждение, если знания неполноценны.

Уроки жизни

Это было в раннем детстве, когда я уже выполнял разные поручения – то надо сходить к кому-либо из соседей и что-нибудь принести или отнести, то передать просьбу или сделать что-либо такого же рода, не требующее строгого следования определенной последовательности действий. С шести-семи лет нам приходилось выполнять множество подобных поручений. Это «вода, дрова, помои», разного рода покупки продуктов, иногда с длительным стоянием в очередях. Короче, подобных дел всегда много, а как ты справишься с ними, зависело от твоей смекалки, ловкости и даже изворотливости.

И вот однажды мама поручила мне сразу два дела, тем более что дома, в которые надо зайти, располагались поблизости друг от друга. Первым делом, надо отнести соленую треску моей бабушке – Марии Ильиничне, а потом зайти к Эрне Колпаковой – жене папиного сослуживца – и взять у нее березовых углей (для самовара).

Я рассудил так. Если иду в те края, то, пожалуй, заодно обменяю книги в библиотеке. Она находилась почти на пути моего следования. Это меня и сгубило.

Книги я обменял и оказался не у начального этапа моего поручения, а у конечного. А какая разница! Я быстро отдал треску вполне обеспеченной и безбедно живущей Эрне, а к бабушке заявился за углями.

Нельзя сказать, что бабушка бедствовала, но то, что вся их семья: бабушка, ее дочь Галина и двое внуков – жила на одну зарплату Галины – электрика вагонного цеха – говорило само за себя. Да и эту треску мама передавала, чтобы помочь им хоть чем-то.

Когда я принес угли и передал привет от бабули, мама меня встретила таким выразительным молчанием, что я наконец понял, что совершил тяжкий проступок. Мама долго молчала, а потом спросила: «Ты хоть понимаешь, что ты наделал? Эх ты, помощничек!»

Если бы кто-нибудь смог понять всю глубину моего раскаяния! Мне было так стыдно, что и передать трудно. Тогда я дал себе слово больше не поступать так безответственно. Что я обещал самому себе, сейчас трудно воспроизвести, но с тех самых пор я помню свой позор (раньше даже уши от стыда горели) и стараюсь выполнять обещанное. Такой урок меня, похоже, изменил – это был урок на всю жизнь. Прости меня, бабуля, если это возможно.

Фишер – стойкий музыкант-виртуоз

После войны в городе было встречалось много увечных людей, обделенных судьбой и пострадавших от военных передраг. По улице мимо нашего дома каждое утро ковылял на костылях болезненный на вид мужчина, увешанный музыкальными инструментами. Помню трубу и флейту.

Передвигался он с большим трудом, а его опухшие ноги едва помещались в каких-то немыслимых опорках. Ковылял этот музыкант в сторону рынка. И вот однажды я услышал, как хорошо он играет на трубе, флейте, гармошке и бог знает еще на чем.

Я узнал у мамы, что фамилия этого музыканта Фишер. Пострадал он из-за своей немецкой фамилии (а может быть и из-за происхождения). Его, похоже, отпустили из тюрьмы или лагеря умирать на волю. А он, вопреки всему, выживал, но не побирался, а честно зарабатывал на хлеб. Хотя давалось это ему с большим трудом.

Но он еще и нес людям радость и поражал их своим мастерством и упорством. Его виртуозная игра на многих инструментах привлекала немало слушателей и вызывала неподдельное восхищение. Надо сказать, что конкурентов у Фишера было много, но их пиликанье и треньканье не сильно привлекало зрителей. Думаю, во мне отложилось что-то вроде уважения к такому негибаемому упорству.

Рынок

Рынок в Вологде – это очень оживленное место. Особенно в войну, да и после войны. Теперь центральный рынок в другом месте. А в послевоенное время он располагался между улицами Маяковского и Папанинцев (теперь проспект Победы).

На рынке тогда, кажется, продавали, покупали и меняли все, что может стать товаром. Поэтому там весь день кипел шумный человеческий рой. Именно рой, а не толпа, как может показаться случайному человеку.

Разные товары продавались в определенных местах, торг всегда был уместен, а обманывать и обвешивать покупателя было иногда небезопасно.

Народ на рынке встречался самый разный. Шныряло много вертких парней шпанского вида. Стояли и сидели у заборов и стен раненые, которые лечились в окрестных госпиталях. Встречалось много увечных – жертв войны. Кто-то из них был на костылях, а некоторые безногие передвигались на маленьких тележечках. Они катились довольно бойко на своих «колесницах с подшипниками», отталкиваясь особыми колодками от земли.

Позднее для них стали выпускать неуклюжие трехколесные колымаги с ручным приводом на велосипедных колесах. И только в 50-х годах таким увечным стали выдавать открытые всем ветрам мотоколяски со слабенькими моторчиками.

На рынках кроме съестных продуктов в продаже можно было отыскать все, что было необходимо и могло пригодиться в хозяйстве: свечи, фитили для ламп, булавки и иголки, нитки и много чего еще.

Мыло тогда было в большом дефиците, и поэтому часто жулики этим пользовались. Кое-кто из таких деляг брал деревянный брусок подходящего размера и обмазывал его тонким слоем мыла. А честный продавец мыла поэтому был вынужден каждому покупающему доказывать «качество товара», втыкая в кусок гвоздь или ножик. Меня удивил именно такой продавец с куском мыла, сплошь истыканным гвоздем.

Из-за этого дефицита мыла нам – мальчишкам – даже в бане поручалось присматривать за своим куском. Зато когда наша помывка совпадала с мытьем солдат, нам – мальчикам иногда солдаты дарили кусочек мыла со словами: «Отдай мамке, пригодится».

На рынке среди покупателей потеряться можно очень легко. И однажды со мной случилась такая беда – я вдруг потерял маму. Само собой, заплакал и стал громко ее звать. Было мне в ту пору года четыре, так что плакал я, видимо, отчаянно и искренне.

Окружающие меня пожалели и стали спрашивать, какая же моя мама, как она выглядит. Я будто бы отвечал: «Моя мама самая милая и красивая!». Тут и мама объявилась, она уже тоже меня искала и потому обрадовалась тому, что все обошлось. Меня передали в руки матери, приговаривая: «Так вот какая у тебя милая и красивая мама». А я уткнулся ей в колени и сразу успокоился.

Часто торговки, идущие утром на рынок, заносили товар для продажи во дворы. Мы покупали у них молоко, творог и прочую снедь. Ох, как был вкусен тот творог!

Потом между постоянными покупателями и продавцами устанавливались надежные товарно-денежные отношения, иногда переходящие в дружбу. Так, мои родители дружили с «Мардарьевной» из деревни Панкино, близ Михальцева. Впоследствии мы с отцом не раз ездили в те места за грибами. Это было связано с новыми впечатлениями от деревенской жизни.

Я был удивлен тому, что мы на велосипеде (я сидел на раме) расстояние от дома до Михальцева проехали почти за час. А «Мардарьевна» проходила пешком эту дорогу туда и обратно через каждые два-три дня.

Магазины

Кроме рынка, в городе работало много магазинов. Только товаров в этих магазинах явно не доставало. То, что «выбрасывали», или «давали», покупали с боем – в смысле, стоя в очередях. Очереди были большие, а потому и занимали их иногда за два-три дня. Свой порядковый номер и людей, стоящих впереди и сзади, следовало запомнить обязательно. Иногда номер очереди писали на ладони химическим карандашом. Неплохо, если тебя в очереди запомнят, для этого приходилось часто находить свое место и стоять там, а скорее топтаться довольно продолжительное время. Хотя своих дел всегда полно, но держать очередь – это святое. Надо признать, что так нас произвольно приучали быть ответственными. Прозевать очередь – это был бы просто позор.

Покупка муки, дрожжей, сахара, яиц и некоторых других товаров проходила только в такой «конкурентной» борьбе. Далеко не все взрослые могли днем стоять в очередях, чтобы купить «дефицит» – они в это время работали. Поэтому часто родители поручали такие покупки нам – мальчикам и девочкам.

Мой друг Юра Иванов пользовался тем, что товар продавали не в магазине, а через особое окно в боковой стене магазина – это был люк для погрузки поддонов с хлебом. Когда Юра достигал этой «амбразуры», он наклонялся к окну и, подавая деньги, говорил: «Нам на двоих с братом». Продавцу же видна только верхушка кепки «брата». А одета она была на большой палец руки Юрки. Так удавалось купить в два раза больше продуктов, то есть два килограмма сахара, а не один.

Чтобы купить побольше муки, сахару, макарон или еще чего-нибудь, иногда становились по несколько раз в одну очередь. Тут надо было держать ухо востро – ведь могли и выгнать, всегда находились особо бдительные граждане и особенно гражданки. Часто мы, мальцы, помогали друг другу, занимая очередь или пропуская друга впереди себя.

В очередях люди знакомились, взрослые обменивались мнениями, слухами, анекдотами и прочим «народным творчеством».

Нам приходилось в поисках какого-нибудь дефицита посещать магазины с разными названиями, иногда весьма удивительными.

Тридцатый, шестнадцатый и шестьдесят первый – назывались по каким-то мифическим номерам. Вывесок почти не встречалось, и поэтому эти названия передавались из уст в уста.

«Сорокашка» – это магазин в сорокадвухквартирном доме. Хороший магазин, но довольно далекий от нас. Поход в него для меня был опасен, так как путь пролегал через «владения» хулигана Кольки.

«Под аптекой» – магазин, занимавший помещение бывшей аптеки.

«Керосинка» – просто керосиновая лавка. В ней всегда было холодно и очень едко пахло керосином, потому что им и торговали. Но продавался там еще один продукт – «Денатурат» – смесь для розжига примусов. Его некоторые бесшабашные натуры пили вместо водки. Умирали, слепли и глохли, но пили!

Были еще «ГорТ», «КоГиз», «Гуторовский» – о происхождении этих названий можно было догадываться, но ими пользовались еще наши родители, а мы приняли их как эстафету.

Красные окна

Как мы любили лыжи! Точнее, катание на них. Выражение «какой же русский не любит быстрой езды» можно отнести и к детским забавам, то есть к катанию на коньках, на лыжах или на санках.

Мы не устраивали больших гонок на длинные дистанции – на валенках, хотя и с креплениями, на лыжах далеко не уедешь. Впрочем, нет, уехать можно, но после того, как я прокатился на «казенных» школьных лыжах, с креплениями «ратафеллы» и с лыжными ботинками, наши валенки казались обузой.

Однако на лыжах с валенками с гор удавалось кататься очень даже неплохо. Любимыми местами для катания считались Соборная горка и красивые холмы в местечке «Кирики и Улиты». На Соборной горке и на близлежащих берегах мы проводили почти все свободное время – всегда удавалось улучшить часок-другой среди школьных занятий.

В феврале наступало замечательное время, когда начинались пронзительно солнечные дни. По Пришвину – это весна света. Но тогда мы ничего не знали о фенологических опусах Пришвина, но уже ощущали что-то, что можно назвать предчувствием наступления ВЕСНЫ.

Именно этот яркий солнечный свет и вызывал изменения в глазах. Поэтому, когда я входил в нашу квартиру после долгого катания с гор на лыжах, окна казались мне красноватыми.

Интересно, что я вспомнил об этих окнах, когда изучал физиологию зрения и понял тогда причину подобных явлений.

Как я весну открывал

Во времена моего детства зимы стояли крепкие и долгие. Снега всегда выпадало много. Мне, как старшему брату и как мальчишке, приходилось выполнять много домашних дел – носить воду с колонки, выносить помой, зимой таскать дрова на три печки, ну и расчищать дорожки от снега к сараю и к воротам.

Когда наступала весна, появлялись новые обязанности. Но одна из них оказывалась не обязанностью, а скорее наградой по случаю окончания зимы.

В весенние каникулы, в конце марта, даже у нас на севере начиналась весна, а я открывал ей дорогу! Во второй половине дня, когда солнце уже хорошо пригревало, я начинал помогать весне! Точнее, так мне казалось.

В такие дни наступало время очищать крышу сарая (на вологодский манер – дровяника) от подтаявшего снега. За зиму снега на крыше накапливалось столько, что она даже прогибалась под его тяжестью. А может быть, так казалось.

Я забирался на сарай с лопатой и принимался за работу. Снег легко соскальзывал с наклонной крыши, только успевай его направлять, чтобы упал подальше от стены сарая. Все действие продолжалось каких-нибудь полчаса. Я спрыгивал с крыши в сугроб снега, только что сброшенного с крыши, и с каким-то приятным чувством шел домой.

Дома я смотрел из окна на результаты выполненной работы. Наконец замечал, как сырые доски на крыше начинали подсыхать на ярком весеннем солнышке. Вскоре над ними уже поднимался едва заметный пар! Именно этот момент на мой самоуверенный взгляд и был сигналом к началу весны. После этого хотя и робкого сигнала можно не сомневаться в ее наступлении, в ее скорой победе над зимой, и этой победе я способствовал.

О рыбацкой удаче

Оказывается, рыбалкой можно не только заразиться, но и серьезно заболеть. Парни, более старшие, чем мы, и особенно старички любили поутру посидеть с удочкой. Однажды и мы пристрастились к летней рыбалке. Это казалось естественным явлением, ведь река от нашего дома в десяти минутах ходьбы.

Почему во всех сразу возникло это желание – сейчас уже трудно объяснить. Однажды летом ребята из нашей компании надумали попробовать порыбачить на удочку – попытать свое счастье. Удочек, однако, не было ни у кого. А отцов-рыбаков, у которых можно что-нибудь узнать или их позаимствовать, тем более не было – у большинства моих сверстников они погибли на войне. На семерых соседских пацанов, с которыми я дружил, отцы имелись лишь у двоих – у меня и у Юры С..

На мою просьбу помочь сделать удочку отец посоветовал поискать удочки на чердаке – там где-то под крышей хранилось несколько старых удилиц с лесками и прочей оснасткой.

В разведку на чердак я полез со своим дружкой – Славкой. Удочки оказались громоздкими, пыльными и ветхими. Но основное устройство удочки мы рассмотрели. Главное, нашли несколько рыболовных крючков. Все остальное из-за долгого хранения пришло в полную негодность. Опять обратился к отцу за помощью. Требовалось узнать, где можно найти леску. Батя рассказал, что прежде они свивали леску из конского волоса, а теперь все используют особую фабричную леску, но достать ее в магазине «Спорттовары» очень трудно – это дефицит. Но можно использовать нитки, вот только они путаются, легко рвутся и быстро намокают. Однако, если нитку подобрать прочную да пропитать ее воском или парафином, то можно и ее использовать вместо лески.

Все бросились по домам за нитками. Этот материал нашли быстро – почти все матери шили, кроили и перелицовывали. Теперь многие и не поймут, о чем идет речь, если говорят о перелицовке.

За пробкой для поплавка дело тоже не стало. Да и подобрать удилице не было проблемой, на первых порах ивовый или ореховый прут в два метра мог вырезать каждый.

Накопали червей и «по первой росе» помчались на рыбалку. Впечатления о ней оказались удивительно новыми и яркими. Это и тишина города, чистота и свежесть утреннего воздуха, даже река также казалась какой-то новой – спокойной и гладкой, как зеркало.

На наше счастье, хорошо клевала рыба, правда, не у всех. Я поймал пяток плотвичек и несколько окуньков и ершей. Часов в 9 утра клев закончился. Нам об этом сообщил бывалый рыбак. Кстати, он наловил много больше нас, но и снасти у него были просто на загляденье.

Дома этому моему скромному первому улову искренне обрадовались. Бабушка быстро почистила рыбу и поджарила. Все попробовали свежей рыбки и похвалили меня за это удовольствие.

Неожиданно я сам попался на крючок – стал любителем рыбалки. Эта любовь продолжается и до сих пор. Интересно, что любителями рыбалки стали только те из нас, у кого в тот первый раз был хотя бы небольшой улов.

Потом пришли другие снасти, свои рыбные места, появилась любовь к зимней рыбалке, вскоре родилась страсть к подводной охоте, и много что еще взрастало в нас. А посеяно все это той небольшой удачей – скромным, но, как оказалось, таким важным уловом.

Смыслы рыбалки

Тяга к сидению с удочкой на берегу реки не прошла для меня бесследно. Увлечение рыбалкой крепчало раз от раза. Вскоре я уже самостоятельно ездил на рыбалку. Появились друзья, также желающие испытать рыбацкое счастье – хороший клев и радость от большого улова. Чаще всего я бегал на рыбалку на наш ближний берег близ Соборной горки. Это, я думаю, самые красивые места Вологды, хотя и не очень рыбные. Под Соборной горкой встречались молчаливые рыбаки-философы, раскинувшие удочки на леща. У них, можно сказать, был постоянно действующий клуб по интересам.

Поездки на рыбалку не остались без последствий – я стал интересоваться природой. Раз любители леща не очень разговорчивы, то искал рыбацкие тайны в книгах. Так появился еще один ключик к природе и ниточка связи с ней. Но сложилось не фанатичное поклонение, как теперь у «зеленых», а что-то большее, хотя и не определенное до поры до времени.

Однажды, придя ранним летним утром на берег реки, я вместо того, чтобы закинуть снасти в воду и ждать первой поклевки, залюбовался открывшейся картиной. В природе царило полное безветрие, светило солнце, над водой стелился легкий туман. Вода была как зеркало. Поэтому церковь Сретенья, стоящая на противоположном берегу, стала центром картины без рамы. Я стоял и любовался ею, не решаясь забросить свою снасть в эту картину. Меня удерживало странное ощущение – если я своим поплавком подниму волну, то легкий ветерок от моего вторжения подхватит ее, и вся эта красота пропадет, так как вода покроется рябью. Вот такие странные последствия могут быть у простого увлечения рыбалкой.

В другой раз обострение созерцательности случилось во время весенней рыбалки. Мы сидели у лунок на реке Тошне, близ села Дудинского. Весной, в конце марта, когда первые весенние талые воды попадают в реку, рыба начинает готовиться к нересту. В такие моменты клев улучшается настолько, что бывалые рыбаки его называют «жором». Надо сказать, что испытывавших это удовольствие от хорошего клева среди рыбаков довольно много.

Ходят слухи о приметах, по которым можно определить, кто перед тобой – удачливый рыбак либо обыкновенный любитель-дилетант. Посмотрите на руку около локтя этого счастливица, и вы увидите: на сгибе руки – заметный синяк. Этот рыбак много раз кому-то показывал размеры рыбы, которая будто бы так некстати сорвалась на последней рыбалке во время жора.

Итак, весна, уже пригревало солнце, весенние каникулы только начались, и я ощутил, как меня охватило восторженное настроение, соответствующее этому чудесному моменту и возрасту – в четырнадцать-пятнадцать лет. Мы с отцом кое-что уже поймали, но утренний клев быстро закончился, поэтому я стал озираться вокруг, тем более солнечный свет и тепло действовали расслабляющее.

Оглянувшись вокруг, я удивился красоте дня. Небо было таким ярко-голубым, что я так и застыл с запрокинутой головой. Около Дудинского росло много осин, а может быть тополей. И вот, золото осиновых веток, припорошенных снегом и освещенных солнцем, на фоне голубого неба так и осталось в памяти на всю жизнь.

Вперед, по насту!

Ранней весной есть замечательное время, когда днем снег под лучами солнца быстро начинает таять. На боковых сторонах сугробов с южной стороны лучи солнца прямо «прожигают» грязноватый снег, и он на глазах становится ноздреватым и пористым. Ночами же зима еще берет свои права, и морозит довольно изрядно. На поверхности снега образуется очень прочный наст. Он даже может выдержать вес человека на лыжах, и это дает необычайную свободу.

С утра можно катиться на лыжах в любом направлении, без всякой лыжни, и нигде не провалишься – наст выдержит. Тогда произвольно все лыжники начинали переходить на коньковый (как теперь его называют) ход. На лыжах мы легко неслись, и надо только не забыть, что после полудня закончится вся эта благодать, и снег начнет проваливаться. Мы далеко улетали по насту, жаль, что лыжи при этом сильно обдирались. Но удовольствие стоило того.

Помимо наслаждения от езды по насту, можно сказать и о новых впечатлениях от увиденного тогда.

Так, на снегу, на настe, мы видели какие-то странные царапины, всегда симметричные и похожие на рисунки гвоздем какого-то шутника.

Только спустя несколько лет, я понял, что видели мы тогда следы свадебных танцев самцов серой вороны. Эта птица пытается «вскружить голову самке», пикируя перед ней и пролетая над настом низко-низко, так, чтобы крыльями задевать снег и оставлять эти следы. Видимо, у ворон это высший пилотаж.

Град Китеж

Примерно в возрасте пятнадцати лет мы стали судовладельцами! Да, да, настоящими судовладельцами. Мы с отцом построили лодку-плоскодонку во дворе нашего дома.

Почти десяток лет мы рассекали просторы реки на этой лодочке. Отец на ней частенько ловил рыбу пауком – особой сеткой, подвешиваемой на блоке к балке на носу. Далеко на лодке не уплывали, но о путешествиях мечтали.

И вот на майские праздники собрались мы на открытие весенней охоты в низовья Вологды. Вместе с нами набралась тогда целая флотилия – впереди шла лодка со стационарным мотором. Мы прицепились за нее буксиром и довольно быстро под мерный стукоток мотора подались к месту охоты.

Нам предстояло к вечеру достичь устья реки – места, где Вологда сливается с реками Лежей и, по-моему, с Сизьмой. А затем они впадают в Сухону.

По быстрой воде весеннего половодья мы промчались до места назначения за пару часов или чуть больше.

Я был поражен разливом рек – громадным пространством, залитым водой – следствием весеннего половодья. Это пространство походило на большое озеро. Мало того, что сами реки довольно велики, особенно весной, но еще и вода в них стояла так высоко, что все окружающие леса и луга оказались залиты половодьем на несколько метров. Уткам там просто раздолье, но это давно знали охотники и на открытие охоты их поджидали с ружьями наперевес и на изготовку.

При большой воде весеннего разлива каждый охотник ищет свое заветное местечко, где можно подкарауливать желанную добычу. Ему надо найти такое место, где возможно укрыть лодку с одним, а то и двумя охотниками. Но перед ними должно оставаться большое водное пространство, где можно расставить чучела уток для привлечения селезней. А тут, крути-не крути, надо много потрудиться, чтобы найти такое место.

И вот в поисках своего утиног Эльдорадо поплыли мы по какой-то просеке – не просеке, но по какому-то пространству, между деревьями в лесу. Просека при этом как-то плавно изгибалась, и вот она закончилась, и мы попали в настоящую сказку!

Представьте себе: среди воды на небольшом возвышении стоит большая усадьба, почти дворец! Два одноэтажных крыла, а посередине двухэтажный портик с колоннами. Сохранилась еще желтая с белым окраска фасада, еще цела зеленая крыша, но кое-где разбиты стекла в окнах. Понятно, что жизни в этом доме давно нет. И все равно здание поражало какой-то гармонией и вызывало удивление, почему эта красота заброшена и никому не нужна.

Сожалею, что так и не смог узнать историю и даже название этого поместья. Но сих пор помню потрясение от появления из вод этого «града Китежа».

Не очень удачно сложились обстоятельства охоты в тот раз. Подстрелили мы всего по утке, а вечером отец рубил сучья и ударил топором по ноге. Решили закончить охоту и ехать куда-нибудь в медпункт. По причине праздничных гуляний нигде помощи не нашли, и потому на веслах добрались до города. На это передвижение против течения ушел весь день – часов двенадцать мы плыли, непрерывно работая веслами.

Хотя охота довольно быстро закончилась, но от нее осталось много ярких впечатлений.

По первому льду

Все единодушны в ожидании весны. Ее ждут и к приходу ее готовятся. Но и к наступлению осени, а затем зимы мы, оказывается, тоже готовимся! Особенности этой подготовки у всех живых существ и даже у человека я узнал много позднее, а в детстве только догадывался.

Удивительно, но в ту пору от всех изменений в природе и в собственной жизни мы ждали только хорошего. Хотя, по большому счету, не так уж легко многим из нас жилось, чтобы быть такими неисправимыми оптимистами. Однако постоянное ожидание чего-то хорошего нас не покидало.

А если и случалось что-либо негативное в окружающем мире, то мы все равно подспудно надеялись на благополучный исход. Любое неблагополучие в нашем существовании: болезни или относительная нужда – каким-то волшебным образом не мешало нам радоваться хорошему или его ожидать. Хотя это хорошее всегда возникало неожиданно и также неожиданно растворялось. Просто старались быть стойким и надеяться.

Поэтому, может быть, будет более понятно наше ожидание чего-либо хорошего от любого времени года. Так, даже наступающая осень радовала поездками за грибами и ягодами, встречами с друзьями после каникул. Позднее появилась в нас еще тяга к осенней охоте и к ее радостям.

В конце осени есть период перехода от слякоти и грязи к снегу и чистоте – точнее, к отсутствию распутицы. Случалось это изменение чаще во второй половине ноября. В одну ночь замерзала река, лужи, каменела грязь, и зима вступала в свои права. Снег обычно не выпадал еще почти неделю, и это обстоятельство давало новые ощущения и радости.

Почему-то в это время, как и весной в половодье, мальчишки собирались на берегах реки и на всех водоемах, больших и маленьких. Самые отчаянные из них испытывали прочность льда, и не всегда это любопытство обходилось без последствий.

В любом случае, на лед обрушивался град камней, палок и прочих тяжелых предметов. Одни желали проломить лед, а вот другие, как и я, бросали камни на первый лед и вслушивались в те звуки, которые сопровождали скольжение камня по льду. Этот звук чем-то завораживал. Он, во-первых, не повторялся – каждый камень при движении вызывал немного разное звучание. Во-вторых, звук почему-то не надоедал, а, наоборот, побуждал к дальнейшему действию – желанию добиться более сильного и долгого звука. Поэтому через два-три дня лед у берегов оказывался засыпанным остатками композиций из «музыкальных инструментов».

А в ближайший выходной день – в воскресенье – меня и друзей ожидало удовольствие, ради которого желали скорого наступления зимы. Кстати, в субботу в те годы взрослые работали и не помышляли о будущей «халяве» – отдыхе два дня подряд.

В воскресное утро мы спускались к реке, отец проверял крепость льда, и начиналось наше путешествие. Лед обычно был как зеркало. Скорость скольжения на коньках год от года нарастала – мы ведь тоже подрастали.

Каждый раз набиралась большая компания: кроме нас троих – отца, Иры и меня, с нами как обычно ехали соседские ребята – мои друзья. Иру брали обязательно. Для этого отец переоборудовал наши салазки. Он вместо полозьев из кровельного железа приспособил дюралевые трубки. После такой «модернизации» санки просто летели по льду. А Ира восседала на этих санках. На них же мы везли часть нашей одежды и что-нибудь вкусненькое – для перекуса.

Сначала ехали мимо островка до Прилуцкого монастыря. Там разворачивались, перекусывали. Иногда ожидали под мостом прохода грузового поезда – это тоже незабываемое впечатление. Надо признать, что отец с уважением относился к паровозам – он же на них работал какое-то время. Нам тоже передалось доброе отношение к этим почти одушевленным машинам.

Потом мы катились обратно до места нашего старта. Иногда там тоже делали остановку, а чаще еще проезжали до Красного моста или чуть дальше. Там уже любовались колесными пароходами, стоящими у берегов до весны.

Однажды в тех местах, за Красным мостом, мы чуть не влетели в прорубь, пробитую вдоль борта какого-то парохода. Хорошо, что отец был начеку и мы вовремя успели остановиться.

Кроме обычного катания, отец учил нас пользоваться парусом для движения на коньках. Он показывал, как использовать боковые ветры для движения вперед разными галсами.

Может, этот необычный способ передвижения на коньках по реке, да еще и под парусом, так надолго остался в нашей памяти.

«Кирики и Улиты»

Нам казалось, что путешествие в Кирики и Улиты – это проникновение в какую-то новую страну! Там все другое: горы, деревья; даже воздух казался иным – чистым и вкусным.

Для нас эти поездки казались настоящим путешествием. Ведь надо рано встать и еще по утреннему сумраку пройти от дома до начала Пошехонского шоссе.

Там мы находили лыжню и довольно долго катили по совхозным полям. Уже за полчаса до подъезда к намеченному месту впереди начинал маячить темный хвойный лес.

И вот наконец, место и цель нашего путешествия – урочище Кирики и Улиты. Прежде там было село и церковь святых Кирика и его жены Улиты. А уже в нашу бытность там оставалось несколько домишек. Может быть, поэтому и название местности немного исказилось до «Кирики и Улиты».

Самое главное ощущение от поездки – красота тех мест и великолепные горки, удобные для спусков на лыжах. Сколько там их было переломано! Но все равно надолго оставалось много ярких и запоминающихся ощущений.

Накатавшись, точнее, укатавшись, мы на закате подъезжали к городу. Снятые лыжи после долгой езды придавали какую-то легкость ногам. Поэтому запомнилось это странное чувство – от движения пешком после целого дня, проведенного на лыжах. Казалось, ноги как бы сами поднимаются вверх. До дома мы добирались уже в состоянии, что называется, «язык на плече».

Эти поездки – настоящий зимний лыжный ритуал – яркий и запоминающийся.

Кирики и Улиты летом

В воскресенье 22 июня в пятидесятые годы я был в урочище Кирики и Улиты с сослуживцами отца. Эти военные люди вспоминали прошедшую войну, свои пути-дороги и говорили о погибших.

Потом началась «неофициальная часть» – потребление «крепкого, крепленого и слегка разбавленного».

А я в это время бродил вокруг и изучал окрестности. Нашел пруд близ полуразрушенной церкви. В этой церкви, как потом узнал, венчался Сергей Есенин с Зинаидой Райх.

В пруду, мелковатом и грязном, купались местные ребята. Я их пожалел – в нашей реке купаться много лучше.

В ручье со странным названием Шограш обнаружил много новых, до сих мною не виданных животных.

Самым ярким впечатлением был «конский волос» – волосатик. Его необычный внешний вид и способ передвижения вызывал оторопь.

Легенды о последствиях встречи с ним предвещали что-то пострашнее, чем от любых других животных. Естественно, хотелось что-то узнать о нем.

Похоже, что давно во мне просыпался интерес к изучению разной живности, а причиной оказывались эти необычные встречи.

Свобода, овеванная ветром

Велик – это мечта каждого мальчишки в те далекие времена. Притягивали нас абсолютно новые ощущения и новая степень свободы!

Однако новый велосипед был довольно дорог для многих семей. А там, где не было кормильца, люди просто отчаянно нуждались. Пожалуй, самыми обездоленными оказывались семьи, где мужчина не погиб на фронте, а пропал без вести. Им государство не помогало, да еще и ставило клеймо отверженных.

Кроме того, после войны времена были еще и голодные, а многие товары отсутствовали и считались дефицитом, в том числе и велосипеды. Но особенно долго в дефиците оставались деньги.

Не знаю, где отец приобрел дамский трофейный велосипед (тогда уже говорили «достал»), но почти целый год ушел на то, чтобы приспособить советские шины и камеры к его колесам немного большего размера.

Другой проблемой стало седло. Его «взрослая» высота не позволяла мне ездить на велосипеде – ноги не доставали до педалей.

Кстати, на взрослом мужском велосипеде любой парнишка умудрялся ездить. Позднее я тоже научился такому искусству. Для этого надо хитро изогнуться, чтобы просунуть одну ногу сквозь раму и затем крутить педали. В таком скрюченном положении далеко не уедешь, но час-другой покататься можно.

Отец проявил народную смекалку, чтобы «русифицировать» велосипед: разрубив корд на советских шинах, подогнал их размер под немецкие обода.

Кроме того, он заказал знакомому сварщику металлическую основу седла, прикрепляющегося непосредственно к раме нашего дамского велосипеда. Почти два года, пока не подрос, я ездил на этом седле. А потом и сестра Ира им пользовалась.

Однако научиться ездить на велосипеде было делом нелегким. Мы это знали и ждали, когда будет готов наш велик, чтобы наконец освоить это искусство.

И вот, как-то летним вечером мы пошли учиться езде на велосипеде на бульвар, идущий вдоль будущего стадиона пединститута. Народу там почти нет, и больших жертв не предвиделось.

Отец посадил меня на велосипед и, как полагается, проинструктировал, как следует на нем ехать – в какую сторону падаешь, туда и руль поворачивай и прочее.

Я кивал, но, возможно, от возбуждения мало что запоминал. Посадили меня на велосипед и пустили в путь-дорогу. Отец придерживал машину, чтобы я не грохнулся сразу. А я взял, да и поехал, да так, что отец отстал – скорость-то на велосипеде все-таки побольше, чем у бегуна. Хорошо, что мне объяснили, как надо тормозить.

Остановился я в конце бульвара. Смотрю, а отец бежит ко мне с большим изумлением на лице. Подбежал и спрашивает: «Что же ты не сказал, что умеешь ездить на велосипеде?»

А я: «Да не знал я, что умею».

Отец: «Так не бывает – сразу на велосипеде никто не может ехать – надо хоть немного, но поучиться. Это умение, как обучение плаванию, дается после многих попыток и долгих упражнений».

Стали других мальчишек обучать и между делом установили, откуда взялось мое умение. Вспомнили, что года три-четыре назад мы ездили в Ленинград к тете Клаве. Тогда с большим трудом разыскали в продаже самокаты.

Помню, что в магазин на Кондратьевский проспект мы добирались на трамвае, а на обратном пути я учился ездить на самокате, а взрослые шли рядом. В течение полутора-двух часов

я осваивал самокат, и уже при подходе к дому тети Клавы, что на Гагаринской улице, неплохо на нем ехал.

Вот тогда и произошло обучение езде на велосипеде, то есть я перенес это умение с самоката на велосипед.

Наш каток

Парк вагоноремонтного завода – это бывший архиерейский сад. В 20-х годах XX века он был передан заводу как сад или парк отдыха трудящихся. Каким был сад до революции можно только догадываться, там росло много старых деревьев, имелись пруды и горки – это остатки городского вала. До наших дней они украшают его.

После «национализации и борьбы с опиумом для народа» обустройством сада на добровольных началах занимались многие из активных заводчан.

Кое что из оборудования, вплоть до аттракционов, было сделано на родном заводе. В саду работали разнообразные секции и кружки. Братья Свешниковы – Николай, Георгий и Борис – также приложили руку к освоению и созданию любимого детища.

Есть фотографии, где видны павильоны и спортивные сооружения, существовавшие довольно долго. На прудах сада играли в русский хоккей. К сожалению, теперь забытый вид спорта. Устраивали состязания по конькобежному спорту. Кумиром конькобежцев был Конька (Константин) Кудрявцев.

Мы не задумывались о том, насколько счастливее многих были из-за близости к саду, впрочем, и к реке тоже. Там, мы целыми днями играли, гуляли и даже образовывались. В пятидесятые годы в саду организовывали летний пионерский лагерь.

Думаю, это студенты пединститута или училища там проходили свою практику. Я с удовольствием наблюдал за студентами, рисующими на пленэре, а также прислушивался к преподавателям, ведущим экскурсии по зоологии и ботанике.

Летом в наши окна доносились звуки духового оркестра с танцплощадки. Спустя несколько лет, после появления электронных усилителей, уличная музыка зазвучала много громче. Звук духового оркестра почему-то не раздражал нас, невольных слушателей. То ли репертуар был получше, то ли сила звука была слабовата.

Танцы привлекали своей таинственностью, присущей взрослой жизни. Не знаю, сколько лет мне было, всего скорее, 4 года или чуть меньше, то есть в годы войны, я вместе с Таней Волоцкой – двоюродной сестрой и соседкой – собрался «на татуни» (на танцы). Ушли мы из дома под вечерок и направились в парк. Там контролеры на входе, естественно, нас завернули. Мы возвратились домой и потребовали, как посоветовали контролеры: «Намажьте нас духами, а то нас не пускают на танцы!» Духами нас помазали, но постепенно отговорили от похода на танцы.

Летом еще одно удовольствие мы получали от близости к саду или парку, кто, как хотел, так и называл. В воскресенье утром, с 10 часов, в летнем кинотеатре был утренний сеанс – утренник – для детей. Ходили почти постоянно, иногда даже без билетов удавалось проникнуть – мы знали тайные ходы. А днем и вечером по праздникам детей пускали, опять же, без билетов на концерты. Не ахти какие были артисты, но все равно они несли зрителям, и нам тоже, радость.

Зимой сад также привлекал. Там сооружали ледяные горки и каток. Каток стал значительным явлением нашей жизни. В городе, мне кажется, в те времена открывали всего два катка – на стадионе «Динамо» и у нас в саду. Там и там складывались два независимых и очень непохожих мира. В каждом из них царили свои законы и правила. На «Динамо» все казалось более сложным и значительным, если можно так сказать про яркие события – знакомства, соперничество, любовь и ревность. У нас на катке все те же явления и чувства выглядели проще и милее. Может, это ощущение возникало из-за меньших размеров нашего катка. Не только каток, но и раздевалка, в смысле, гардероб, буфет и помещение для обогрева (совсем забыл, как оно называлось, что-то вроде теплушки) – все было небольшим и, может быть, поэтому каза-

лось более уютным. Катки всегда довольно ярко освещались, разноцветные лампочки создавали на катке ощущение праздника и почти новогоднее настроение.

На чем только не катались в те годы! Далеко не все имели коньки с ботинками. Большая часть «конькобежцев» каталась на коньках, привязанных к валенкам. Малыши пытались освоить катание на коньках, катаясь на одном коньке. Зато таких «конькобежцев» становилось в два раза больше – каждому доставалось по коньку.

Трудно перечислить все разнообразие «моделей» коньков: снегурки, экзотические – «нурмис», «английский „спорт“» и еще какие-то неизвестные. Наиболее часто встречались хоккейные коньки – русские, а потом появились «канадки», у немногих имелись фигурные и беговые. Поэтому большинство каталось на любых имевшихся коньках, лишь бы они ехали.

Часто катались парами – это очень хороший способ юношам и девушкам пообщаться и познакомиться.

Все старались соблюдать правила движения – кататься по кругу против часовой стрелки. Правда, этот порядок нарушали мальчишки, играющие в салочки и в «сыщики-разбойники».

Вообще-то игр на льду было великое множество, и поэтому время на катке летело очень быстро. Очень часто появлялась цепочка катающихся «паровозиком», зацепившихся друг за друга конькобежцев. Коварство «паровозика» было в том, что при повороте последние в цепочке разгонялись так сильно, что вылетали за пределы катка – в громадные белоснежные сугробы.

Большое удовольствие от катания на катке доставляла музыка. Конечно, это была популярная или эстрадная музыка. Но часто звучали совершенно новые песни, и, что еще интересно, прорывалась музыка «на костях» – зарубежная эстрада, записанная на рентгеновской пленке. Иногда звучали песни Лещенко и некоторых запрещенных и полузапрещенных авторов.

Ощущение праздника придавала и красота окружающих деревьев, особенно в мороз, когда они покрыты инеем и подсвечены снизу цветными лампочками. А в сильные морозы, когда каток еще работал (иногда, правда, и закрывался, если морозило за -25°C), можно было увидеть интересное явление – световые столбы над каждой лампочкой. Почему-то хотелось увидеть этот световой коридор, стоя под лампой. Если рукой заслонить лампочку, то открывались какие-то загадочные дали и выси. Видимо, тянуло нас куда-то, куда мы и сами не знали, но чувствовали, что там что-то есть.

Неурочный бой часов

1 апреля 1955 года мне исполнилось шестнадцать лет. Мы готовились к встрече гостей – моих сверстников: соседей и школьных друзей.

Помню, что я устанавливал стол и расставлял стулья вокруг него. Когда я вошел в нашу большую комнату, висящие там настенные часы вдруг начали отбивать время. Но вместо двух или трех ожидаемых ударов наши часы немного сошли с ума и начали отбивать и отбивать часы без остановки. Я почему-то стал считать эти удары, и когда насчитал больше полусотни их, мелькнула мысль – а не кукушкой ли работают часы.

Всего прозвучало около сотни ударов – на большее не хватило завода пружины. Но я и этим был очень доволен. Неплохо бы пожить так долго – лишь хватило бы здоровья. Но теперь у меня появилась цель – осуществить то, что «накуковали» часы!

Вкусный хлеб

Чтобы купить что-нибудь вкусное и стоящее, всегда приходилось прилагать усилия – искать, где и что «выбросили» (в смысле, пустили в продажу). Надо было суметь занять и сохранить очередь, иногда словчить и купить не на одного, а на двоих (чаще с другом), и много других премудростей следовало знать мне и моим сверстникам.

Так, даже простой черный хлеб приходилось добывать, обегая окрестные магазины. Лучшие из них размещались ближе к начальству – в больших кирпичных домах.

Близ нашего дома было всего лишь два высоких кирпичных дома. Один – самый ближний – назывался «под аптекой»: в нем сначала размещалась аптека, а потом магазин. Дом всю войну стоял наполовину недостроенным. Предназначался он для начальства – обкомовских работников. Там, в квартире школьного друга – Вити С. – я впервые увидел ванну, душ и прочие чудеса сантехники.

Другим примечательным домом была «сорокашка» – сорокадвухквартирный дом для железнодорожного начальствующего состава. В первом этаже дома размещался ОРСовский магазин. ОРС – отдел рабочего снабжения. Конечно, к снабжению пролетариата этот магазин не имел никакого отношения. Там продавали обычные товары, но перечень их, или ассортимент, как называют его торгаши, был другим – более широким. Поэтому там можно было «достать» то, что не купить в других магазинах.

Объяснялось это псевдоизобилие именно ОРСовской природой. Эта система магазинов, разбросанных по отдаленным станциям железных дорог, часто оставалась единственным источником всего необходимого для жизни людей, оторванных от цивилизации.

Поэтому в этом магазине удавалось купить те товары, которые часто считались «дефицитом». Так, там продавались иногда китайские фонарики. И это не те бумажные фонарики, что в праздники запускают и до сих пор. Китайскими мы называли первые фонарики с круглыми батарейками. Там же встречалась тоже китайская зубная паста – такая вкусная, что хотелось чистить зубы без всякого внутреннего усилия воли.

Может быть, главная привлекательность «сорокашки», ради которой каждый день туда стекались покупатели, – это продажа необыкновенно вкусного ржаного хлеба.

Я туда ходил примерно через день. Большой буханки нам хватало на два дня. Почему хлеб в «сорокашке» так отличался от всех других сортов, можно было только догадываться. Всего скорее, эти большие буханки выпекались по особому рецепту, а потом их нарежали и сушили сухари. Эти сухари входили в сухой паек в армии, их же включали в комплекты НЗ, которые забрасывали, например, партизанам или геологам. Остальная часть хлеба, похоже, продавалась как обычный хлеб.

Выдержать соблазн, чтобы не отковырнуть кусочек горбушки, было просто невозможно. Краюху такого хлеба, смоченную подсолнечным маслом и чуть присыпанную солью, можно было смаковать почти полчаса. Это считалось самым настоящим пиршеством, и забыть его невозможно.

Как я чуть не утоп

На реке Вологде под Соборной горкой каждое лето строили купальню, или «купалку» – так мы ее называли. Там имелаась «ванна» с плавательными дорожками. Стояла вышка для прыжков в воду на три и пять метров. Кроме того, всегда имелся «лягушатник» – тоже наше название, – где малышня, не умеющая плавать, могла порезвиться. Настоящих купальщиков особенно в жару и под вечер набиралось много.

В самом раннем нашем детстве при «купалке» имелаась раздевалка, типа гардероб. Она казалась уютной, возможно, из-за цветных стекол в больших окнах. Мы забирались в нее погреться в особо холодные дни.

Хотя, казалось бы, зачем в холод купаться? Однако вологжане холода не боялись никогда. Я упоминал, что конец учебы в начальных классах приходился на девятнадцатое мая. То есть с двадцатого мая начинались летние каникулы.

А раз летние каникулы начались, то и лето считалось начавшимся, поэтому в этот день мы дружно шли купаться. Вода еще холодная, иногда просто ледяная – еще не спала вода весеннего половодья.

Кстати, «купалку» в мае еще только начинали ладить, но купались мы и без нее – ныряли с плотов, что считалось занятием опасным, но очень увлекательным.

Так вот, согреться после купания удавалось только у костерка или между бревен, которые только что вытащили из разобранных плотов. Мы забирались в любые углубления между бревен, чтобы укрыться от пронизывающего весеннего ветерка, но если светило солнышко, то этого уже достаточно.

На «купалке» в жару собиралось столько народу, что боны – дощатые плавающие настилы – погружались частично в воду. Помню, что я был в один из жарких погожих дней в «лягушатнике», потому что еще не умел плавать. Учился плавать я, как и все, с помощью наволочки от подушки. Ее можно легко наполнить воздухом, при этом объем воздуха можно изменять в соответствии со своим весом и умением плавать.

В тот раз я уже искупался и собирался идти в раздевалку погреться. Пробираясь между купальщиками, я увидел, что одному из мальчишек повезло – он оглушил крупную густеру, ударив проволочным прутом по воде.

В то время таких «рыбаков» почему-то встречалось много. В чем заключался резон таким способом добывать десятки, а может быть сотни мальков, до сих пор не понимаю. Но эта оглушенная рыбина казалась большой, да еще и азарт рыбака прибавлял прыти. Короче, взмахнул я наволочкой, наполнил воздухом, да и сиганул за рыбой в воду.

А там не оказалось дна! Наволочку из рук вырвало – я к такому повороту событий не был готов. В рот полилась вода, сквозь желтовато-зеленую воду я увидел солнце, но выбраться на воздух, на солнце, не удавалось. Я изо всех сил колотил по воде руками, но мог лишь изредка выныривать и жадно хватать ртом воздух.

На мостках вокруг стояли зеваки, и никто не бросался мне на помощь! До сих пор не понимаю почему.

Случайно я повернулся спиной к берегу, и потом несколько раз коснулся дна при более глубоких погружениях. Этого, возможно, было достаточно, чтобы отталкиваться от дна и выныривать из враждебной воды.

И так, временами глубоко погружаясь до дна, нелепо двигаясь почему-то спиной к берегу, я едва выкарабкался из воды.

Случившимся потрясение казалось так велико, что я минут тридцать стоял, а потом еще и сидел, уставившись в одну точку. Во мне боролись ужас и радость. Я радовался тому, что

Я ЖИВ, что сейчас я сижу и греюсь на солнышке, а ведь мог бы УТОНУТЬ и лежать там, в пучине!

После этого события я твердо решил научиться плавать, но удалось это осуществить только на следующий год. Когда же научился плавать, а родители в этом убедились, они мне стали говорить, шутя: «Утонешь – домой не приходи».

Спорт – не уроки танцев

В восьмом классе случилась новая реорганизация образования. Парней и девушек решили учить вместе. Хорошо, что нас – учеников восьмого класса школы №10 – после двух недель учебы послали на месяц в колхоз «на картошку». В колхозе мы более-менее сдружились, ну если не сдружились, то хорошо познакомились друг с другом.

Скоропалительная кампания слияния мужских и женских школ привела к тому, что во многих классах оказались балбесы, совсем не желающие учиться. Так, у нас в классе появились педагогически запущенные ребята, как сказали бы спустя полвека.

Наша «классная» Вера Ивановна С. вела у нас воспитательную работу. Она устраивала вечера отдыха для всего класса. В программу их включались загадки, шарады, ребусы, но намечались и танцы. Для нас, парней, танцы стали неожиданным препятствием к удовольствиям, так как в большинстве своем мы совершенно не умели танцевать. Но было загадкой, почему почти все девушки уже довольно сносно танцевали. Когда и где они этому научились?

Сейчас не смогу перечислить все многообразие танцев, которым нас начали обучать: па-де-катр, па-де-патинер, краковяк, мазурка и какие-то еще. Они представлялись нам каким-то скопищем не совсем логичных и не всегда гармоничных движений. На этих вечерах танцев мы, парни, неуклюже топтались, старательно глядя себе под ноги, чтобы не дай бог не наступить на ногу партнерше. Наши девчонки-восьмиклассницы были довольно милы, и их выразительные женские прелести уже бросались в глаза. Это качество еще сильнее сковывало нас и придавало нам не смелости, а нахальства. Так продолжалось почти весь год обучения в восьмом классе.

К счастью, на следующий год я записался в конькобежную секцию – было такое время, когда почти любой мог заниматься в кружках и секциях, какие ему приглянутся.

Казалось бы, как связано умение танцевать и бег на коньках? Как оказалось, связь есть.

На занятиях в секции мы много бегали и занимались имитацией бега на коньках, то есть подражали движениям конькобежца. Занятия проходили вечерами на стадионе «Динамо».

Примерно в октябре-ноябре на стадионе началась подготовка к зиме, к началу работы катка. На «Динамо» всю зиму работал самый большой и самый престижный каток. Он был хорошо оборудован – раздевалки, прокат и заточка коньков, буфеты, теплушки и прочее. Лед на «Динамо» всегда был хорош, а каток хорошо освещен, что еще надо для катания. Для нас, конькобежцев, стадион был необходим – только на нем готовили очень хороший лед. На нем, кстати, выросла чемпионка мира Т. Рылова. Иногда она заезжала в Вологду, и мы видели ее плавный и стремительный бег.

В октябре уже темными вечерами занятия наши совершенно случайно стала сопровождать музыка. Видимо, радиотехник стадиона тоже готовился к предстоящему сезону – к трансляции легкой и легонькой музыки для празднично катающихся посетителей.

И вот эта музыка, постоянно звучащая над стадионом, оказывается, заставляла нас двигаться в соответствии с ее ритмом! Но мы-то об этом не подозревали!

И вот когда начались вечера отдыха нашего класса, я вдруг начал танцевать, а точнее двигаться под музыку, более осмысленно и ритмично, чем до того. Наши девчонки оценили мои достижения и даже стали меня подозревать в посещении либо танцевального кружка, либо какого-то другого злачного места.

Дальше пошло и поехало – стал я постигать смыслы и ритмы танцев. К счастью для нас = парней, куда-то тихо ушли па-де-катры, а остались фокстроты, танго и вальсы.

Теперь могу похвастаться – до сих пор люблю танцевать вальс. Понял, что на девушек и на женщин умение кавалера танцевать вальс почему-то производит сильное впечатление.

Своим детям поэтому советовал: «Учитесь всему, даже бегу на коньках, лучше в раннем возрасте, в нужном месте и под хорошую музыку».

О китайских товарах и китайском кино

Это повествование будет кратким, как была краткой наша нерушимая дружба с Китаем в конце сороковых и в начале пятидесятих годов.

Сначала большое впечатление на всех произвели китайские фонарики. Они хорошо светили и работали надежно. И, что важно, для них продавались так необходимые круглые батарейки!

Фонари с плоскими, «нашенскими-отечественными» батарейками водились в каждом доме, а вот батареек-то для них часто днем с огнем не найдешь.

Потом появилась леска и рыболовные китайские крючки. Мы – мальчишки, это заметили, а потом стали продаваться брюки, рубашки и особенно плащи.

Удивляла, опять же китайская, зубная паста. В те годы у нас, в СССР, продавались две пасты: «Мятная» и «Детская». Да, чуть не забыл, еще продавался зубной порошок «Особый».

Мы считали, что живем в сплошном счастье, поэтому не подозревали, что для полного удовольствия народа необходимо много чего еще, кроме многообразия зубных паст и прочей мелочевки. И тут китайцы показали, что можно достичь хотя бы этого разнообразия, если захотеть.

Внезапно появилась китайская лимонная зубная паста. Ее тюбики казались невзрачными на вид, но я купил ее из любопытства. При первом же применении паста оказалась приятной на вкус и давала такую обильную пену, что рот не вмещал. Так мы узнали, что бывают и пенящиеся пасты.

Поразили нас и китайские кеды – довольно удобные и прочные. Эти новая доступная спортивная обувь быстро вытеснила «тенниски» – простенькие отечественные туфли с резиновой подошвой и тряпочным верхом.

Но с китайским кино случилась совсем другая история. Те редкие фильмы, что попадали на экраны, были невероятно низкого вкуса и качества. Это были главным образом фильмы о войне. Они оказались даже хуже многих наших «фильмов про войну», которые можно обозначить как «наши – умные, а немцы – дураки».

Может быть, только такие фильмы нам и показывали, но были и другие.

«По грибы»

Почему-то в Вологде преобладала такая архаичная форма выражения. Не все говорили «за грибами» или «пошел за водой», потому что часто взрослые поправляли: «За водой пойдешь – не вернешься». Видимо, побаивались какой-то нечисти, что ли, и объясняли свои слова тем, что вода в реке, мол, уведет, и пропадешь с концами.

Как бы не называли это занятие, но за грибами ездили всегда с удовольствием, и потом рассказывали о том, где, с кем и сколько набрали.

«Губину» солили, белые и подосиновики сушили, и очень вкусно готовили жареные грибы. Соленые грузди или, еще лучше, рыжики – это и вкусная еда и закуска на столе. А картофельные котлеты с грибной подливой – это, по моему мнению, просто объедение.

В будни за грибами взрослые ездили только во время отпуска, если он приходился на грибную пору. Зато в выходные: в воскресенье, а позднее в субботу и воскресенье – отправлялись целыми автобусами или грузовыми машинами со скамьями, установленными в кузове.

Народу в машины набивалось, что называется, под завязку. Всегда перед отъездом старожилы держали «военный совет». Потом ехали час-полтора до места «высадки десанта». Там, на месте, договаривались, когда едем обратно, куда лучше направиться и давали кое-какие другие ЦУ. Однако всегда кого-нибудь ждали по полчаса, а то и больше установленного срока.

Очень запоминались поездки, когда выпадала полоса, или слой грибов. Набирали помногу и, бывало, даже собирали одни шляпки грибов. Но иногда случалось, что за целый день поисков набирали всего по корзине, в которой можно было увидеть всего понемногу: от отдельных белых до «букетов» опять.

В поисках грибных мест заезжали на машинах в такую глухомань, что «путевой» дороги там не найти. Но всегда выручала дружная помощь грибной команды, которая почти на руках выносила застрявший в грязи «зилек». Правда, и трофеев в такой экспедиции набиралось много.

Иногда на хорошие грибы натыкались случайно, и поэтому воспоминания о них оставались яркими и запоминающимися. Так, однажды, возвращаясь с осенней охоты, решили зайти в лесок, проверить, нет ли грибов. И наткнулись на такое их количество, что набрали белых и подосиновиков во все емкости, что были в машине, и даже в рубахи, из которых пришлось сделать своего рода торбы.

В другой раз, мы в сентябре всем девятым классом работали в колхозе, правда, не на картошке, а на льне. Собирали его на полях, где он сушился в снопиках. После нашей работы расстилали стебли по траве для довершения наших трудов дождями, росами, солнцем и туманом. Работа нетрудная, но долгая и многодельная, как у нас говаривали. Получались довольно красивые узоры из серебристого разостланного льна на зеленой траве.

И вот наконец за нами приехали машины, чтобы отвезти в город. Перед отъездом мы с дружкой Руфкой пошли на разведку в ближайший лесок и наткнулись на обильный и дружный урожай лисичек. Их оказалось так много, что уехать без них было бы обидно.

Отпросились у классной руководительницы Веры Николаевны С. и остались, чтобы пособирать этих милых грибочков.

Набрали столько, что еле дотащили до остановки грузотакси. Был в наши времена такой вид транспорта. Это грузовик-полупортка с брезентовым тентом над кузовом, а в нем пять-шесть деревянных скамей. Удобства не ахти какие, но ходил он исправно, и это главное.

Кстати, тогда дороги тоже отличались от современных, асфальтированных. Дороги мостили булыжником. Ехать по ним не очень комфортно, но возможно, если помнить правило «больше газу – меньше ям».

Храм

В тот раз мы с отцом поехали за грибами на далекую станцию Семигородняя. Уже наступил сентябрь, и пришли ночные холода. В это время довольно часты туманы, и в тот раз он оказался на редкость густой.

Мы шли, едва различая наезженную дорогу под ногами. Пробираясь сквозь туман, мы ждали, когда она выведет нас либо к лесу, либо к деревне. Постепенно сквозь туман стало пробиваться солнце, и выглядело оно как светлый диск. Казалось, что солнце вот-вот победит туман, но получилось наоборот – солнце стало чем-то заслоняться, и вскоре диск его исчез совсем.

Казалось, мы, наконец, добрались до леса. Однако сумрак нарастал по мере продвижения вперед, и через несколько шагов мы увидели перед собой старый деревянный сруб из толстых бревен. Присмотревшись, поняли, что перед нами стена большой деревянной церкви. Удалось разглядеть, что церковь высокая и многоглавая.

Но шли-то мы за грибами, поэтому решили осмотреть церковь на обратном пути и двинулись дальше по дороге.

Грибов набрали много. День разгулялся, и настроение было отличным.

Как только выбрались из леса, то увидели эту церковь. А точнее, храм. Он был так красив, что дух захватывало. Церковь просто сияла серебром – это осиновый лемех многих куполов блестел под осенним солнцем.

Храм еще был кое-где огорожен, и даже сохранилось несколько скамеек. Даже издали становилось понятно, что это уже покинутый храм. На дверях его висел большущий амбарный замок. Что уж там хранили – одному богу известно.

Мы присели на скамейку у паперти и достали свои нехитрые припасы, чтобы перекусить перед дорогой. Непроизвольно залюбовались украшениями – деревянной резьбой, куполами, красивыми навесами и крылечками. Так сидели до самого последнего срока, чтобы не опоздать на поезд.

Вышли в последний момент и пошли к станции. И хотя мы спешили, да и корзины с грибами скрипели от тяжести, но все время оглядывались, чтобы посмотреть на храм. Чем дальше мы уходили, тем меньше были видны следы заброшенности, храм как бы поднимал голову и говорил: «Я держусь и жду вас еще раз». Я тоже думал, что мы сюда еще приедем и увидим эту красоту.

Судьба, однако, распорядилась по-своему: увидел я подобную красоту лишь спустя почти двадцать лет в Кижях. А этот храм через несколько лет сгорел.

Вот уж действительно – что имеем, не храним, а потерявши, плачем.

К сожалению, этот принцип так и остался неизменным. Обидно, что ничего нам не удастся сохранить, а плачут по утраченному лишь немногие, остальным же обычно безразлична судьба нашей старины. Но попробуй сказать им, что не стоит тогда считать себя патриотами – оскорбятся со страшной силой.

Иконы

Во времена хрущевской оттепели стало можно говорить о вере. Мы, конечно, не знали, что это очередной обман властей.

Я с моей двоюродной сестрой Люсей, вдохновившись новыми веяниями, решили отдать в музей бывшие домашние иконы. Иконы хранились на чердаке дома.

В то время наша картинная галерея и краеведческий музей еще не разделились, так что мы рассчитывали на предстоящее обогащение музея, хотя и галерее наш дар тоже, может быть, пригодится.

Мы основательно нагрузились священными предметами – под самую завязку. Одна икона, а точнее объемная композиция «Вознесение», была довольно большой по размерам. Похоже, это была резьба по алебастру, потом покрытому позолотой. Находилась эта композиция в красивом позолоченном футляре. Кроме того, мы несли еще три или четыре большие иконы (размеры их в высоту превышали 50 см) и несколько мелких.

С большим трудом дотащили весь груз до музея. О том, что он примет наш дар, мы предварительно договорились. В музее тоже подготовились к нашему приходу, и поэтому нас провели по запасникам.

Там увидели много интересного из того, что нам показали. Оказалось, что в музее много картин Машкова, были неплохие, но не идентифицированные картины европейских художников. Всего скорее, это были вещи из коллекций, реквизированных в годы репрессий.

Мы продвигались по закоулкам хранилища, как вдруг работница музея открыла низкую дверцу темноватой каморки с несколькими мужскими фигурами внутри. Оказалось, что это деревянные скульптуры Христа, ожидающего суда и Голгофы.

Люська аж вскрикнула, настолько эти скульптуры походили на предбанник с сидящими мужиками. Похоже, этого ошеломляющего впечатления экскурсовод и добивалась.

Размеры фигур были близки к нормальным человеческим, а усиливало впечатление то, что фигура Христа вырезалась обнаженной.

На готовую фигуру обычно потом надевали соответствующие одежды, и даже для нее изготавливали обувь. Экскурсовод рассказала с придыханием и закатыванием глаз, что тапочки, сшитые для статуи Христа, часто оказывались изношенными! Мы, естественно, ахали.

Помимо фигур Христа, большое впечатление на нас произвело посещение еще одного хранилища пермской деревянной резьбы. Там увидели несколько редких старинных резных икон.

Позднее мы пожалели, что почти все наши иконы за один раз отнесли в музей. Можно было бы растянуть это удовольствие на несколько посещений.

О попугаях и кроликах

В послевоенное время возникла нужда в услугах психотерапевтов. Судьбы многих соотечественников были поломаны войной и прочими невзгодами. Неуверенность в будущем и тем более неизвестность прошлых путей и мест пребывания множества родных порождали потребность искать надежду и утешение.

Как во всякое сумбурное время, появилось много гадалщиков и прочих «пророков». Особенно много подобных «специалистов» встречалось на рынке и на вокзале.

Оборудование у такого доморощенного гадалщика было самым простым: попугай или кролик и ящичек с конвертиками, в которых находились готовые ответы на разные жизненные ситуации.

Желающий узнать свою судьбу платил деньги этому «пророку», тот что-то шептал своему ассистенту – попугаю или кролику, который направлялся к ящичку и начинал исследовать содержимое. Кролик, похоже, обнюхивал конвертики, а попугай их осматривал. И тот и другой вытягивали один из конвертиков и передавали их хозяину.

Наверное, здесь и начинались манипуляции с сознанием желающего узнать свою судьбу – конверт можно было подменить любым другим, более подходящим. Этот конверт вскрывался «пророком» или отдавался клиенту.

Слова, определяющие судьбу, прочитывались вслух, и все ахали, если их смысл поражал воображение окружающих. Если же слова оказывались непонятными, то «пророк» разъяснял их потаенный смысл, и изумление окружающих наступало несколько позднее.

Самыми честными в этой игре были, пожалуй, кролики и попугаи – они-то честно отрабатывали свой паек.

Дела домашние

Долго, целых шесть лет, мои воспоминания о детстве, о нашем Свешниковском доме, были связаны с маленькой комнаткой с окнами на улицу. Только в год окончания войны мы переехали в комнаты с окнами во двор. Связан этот переезд, всего скорее, с тем, что подросла моя сестра Ира и начала ходить, говорить и шалить.

Комнатка же, где мы жили до переезда, стала маловата для четверых. Бабушка Александра Викторовна предложила перебраться в комнаты большего размера, и мы очутились совсем в других условиях. В нашем распоряжении оказалось две комнаты и большая кухня.

Вид из окон был не на улицу, а на каретники, дворовый флигель, сарай и поленницы. Зато прямо перед окнами с одной стороны возвышались две красивых церкви: Варлаама Хутынского и Ильи Пророка. А с другой стороны открывался вид на наш главный Софийский собор и его колокольню.

Был в этой части дома большой и удобный балкон. Чтобы украсить наш быт, отец на стеклах окна, выходящего на балкон, нарисовал алмазным стеклорезом елку с шарами и шпилем на верхушке. Перед Новым годом, когда ударяли морозы, окна украшались ледяными узорами. Тут неожиданно и проступал рисунок. Это было потрясающе красиво и казалось волшебством. Особенно радовалась этому чуду моя сестренка Ира. Я уже понимал причину появления рисунка, и оценил выдумку отца.

Квартира показалась мне такой большой, что я стал кататься по комнатам на трехколесном велосипеде. В каждой комнате было по печке, а на кухне стояла большая русская печь. В морозы печи приходилось топить утром и вечером. В сильные морозы в угловой комнате на одной из стен намерзал довольно большой участок, где на обоях выступал иней. Приходилось в квартире в морозы даже ходить в валенках. Но сильные морозы бывали недолгими и через неделю-другую прекращались. Поэтому чаще протопленные печи согревали. Ну, а если все-таки было холодно, то погреться у печки было приятно. Прижмешься к печке спиной и, сидя на стуле, читаешь в свое удовольствие.

В один из таких холодных дней, но в самом раннем детстве, я решил согреть своего целлюлозного пупса. Приставил его ножки к дверце печки, отчего тот сразу вспыхнул ярко и запылал большим пламенем, я закричал от испуга. Мама успела справиться с огнем, швырнув моего любимца в печку. Были слезы и обида, но как-то быстро закончившиеся.

Помню свою детскую причуду. Когда я днем хотел поспать, то почему-то не ложился на диван, а укладывался прямо под столом, где обычно играл. Только всегда подстилал газету. Зачем я это делал, родители от меня не получили ответа, но говорят, выглядело это смешно.

Во время налетов немецких самолетов город не бомбили. Немцы метили в мосты и железную дорогу. Прятались мы при налетах в вырытых траншеях. Взрывы зенитных снарядов и лучи прожекторов притягивали своей красотой, но мы, дети, не знали о страшном смысле этого «салюта».

Однажды мы ходили в город. Кстати, выражение «сходить в город» обозначало посещение центра города, его магазинов, кинотеатров, музея и еще каких-либо нужных человеку учреждений, например, аптеки.

В тот раз зимой мы шли через Каменный мост. Это старая часть города, там, где прежде располагались торговые ряды, давно уже преобразованные в магазины и магазинчики, фотографию, военкомат, поликлинику и обком партии.

Около военкомата стояла лошадь, почти рысак, запряженный в легкие красивые санки. На лошади, видимо, разъезжал сам военком города, поэтому дошадь прикрыли попоной, украшенной большой красной звездой. Был довольно сильный мороз, и попона даже слегка покрылась инеем. Но я такое приспособление видел впервые.

Поэтому остановился и спросил отца: «А зачем на лошади одеяло?» Он ответил, что это не одеяло, а попона, чтобы лошадь не замерзла. Мы пришли домой, и первое, что я сообщил маме: «Мы видели лошадь, а на ней была НАПОПА!»

Вообще в то военное и послевоенное время в городе встречалось много лошадей, которые использовались, что называется, «и в хвост и в гриву».

Большая часть перевозок товаров по маленьким магазинам производилась только на лошадях. Вместо казенных автомобилей некоторых начальников средней руки развозили то же на лошадках, запряженных летом в пролетку, а зимой в санки. Скорая помощь то же передвигалась на пролетках, и поэтому выражение «карета скорой помощи» полностью соответствовало своему названию.

А сколько повозок каждое утро въезжало в город, а после полудня начиналось их движение обратно. Мальчишки нередко просились проехаться на санях или телеге, особенно когда шли из школы. Иногда возница вез колоб или прессованный жмых – очень желанный для нас продукт. Если он был из семечек подсолнуха, то у нас глаза разгорались на это лакомство. Тогда мы с выражением в голосе усталости и печали просили возчика нас подвезти, уговаривали с надеждой, что подвезет нас хотя бы недалеко, тогда уж точно выпросим кусочек желанного жмыха.

Примерно через год или два после переезда, родители и я сам отметили момент, когда закончилось мое детство. Как-то зимой, в холода, я решил согреть игрушки и уложил их к себе в кровать. Утром переложил их в коробку, и затем с ними уже играла только сестра Ира, а я перестал. Но начал читать книги.

Когда сугробы были большими

Прежде зимы были суровыми и продолжительными. Первые морозы обычно начинались в конце ноября. Примерно неделю можно было кататься на коньках по крепкому льду реки. А затем начинались снегопады, после которых мы ждали открытия катков, чтобы там продолжить катание на коньках.

Сразу по первому снегу вставали на лыжи, а через неделю- другую начинали кататься с гор на драндулетах – самодельных «экипажах» с коньками. Что-то подобное теперь используют спортсмены, но называют их тобогган. На них развивали потрясающие скорости.

С приближением зимних каникул мы с нетерпением ждали оттепели, чтобы построить снежную горку и крепость. В декабре обычно наваливалось столько снега, что горка получалась высокой и «работала» до середины марта.

На соседнем дворе был питомник служебных милицейских собак. Перед ним расчищалась площадка, а весь снег со двора собирался в громадный сугроб. Он был так высок, что мы в нем сооружали что-то вроде иглу в наш полный рост.

Такие громадные сугробы к февралю вырастали во многих дворах. Поэтому игра в «Царя горы» = это обязательный номер программы нашего времяпрепровождения.

Когда снега выпадало много, мы принимались прыгать в сугробы с таким расчетом, чтобы в воздухе сделать кульбит и почти встать на ноги.

Естественно, мы так вываливались в снег, что приходилось долго отряхиваться, чтобы без особых родительских укоров заявиться домой. Это было замечательное время, когда мы были счастливы оттого, что много снега. А настоящим наказанием для нас был приказ родителей – не пойдешь гулять – ты наказан!

Как весна с зимой воевала

Приход весны – это, пожалуй, самое желанное время года. Но всегда, если чего-то ждешь, то оно не спешит и, кажется, вообще никогда не придет. Оставалось искать приметы приближения весны, которые появлялись уже в конце февраля!

Еще стояла крепкая зима, но солнце уже поднималось все выше и выше. И вот на южной стороне сугробов лучи солнца начинали плавить снег. Еще на улице мороз, но в полдень кое-где весна уже немного потеснила зиму.

Эти темные проталинки с южной стороны сугробов и были первыми территориями, освобожденными весной. И чем дальше, тем все больше и больше становилось отвоеванного ею пространства. И это радовало и наполняло нас предчувствием весны.

Проблема выбора... меры наказания

Теперь человечество спохватилось и борется за права ребенка, а судьи могут даже посадить родителя в тюрьму, если он ударит ребенка. Не знаю, кем бы я стал, если бы не получал изредка хорошей взбучки. Хорошей – в смысле, несколько ударов ремнем.

Мы проказничали и за это получали адекватное наказание. То заберемся в чужой сад и обтрясем яблоню-другую. То съедем семенные огурцы с грядки и оставим хозяйку без семян. То разобьем стекло из рогатки в чьем-нибудь окне, то однажды по неосторожности вытолкнули сестру Люсю в окно. Часто уходили без спроса, а дома начинали нас искать. Короче, изредка, бывало, нас вразумляли.

Отец предупреждал – если нашкодишь, то повинись. Я же молчал, как партизан, за что и получал соответственно. Прежде чем учить уму-разуму, отец спрашивал: «Каким ремнем хочешь быть наказан – „поднаганным“ или от портупей?»

Выбор был невелик, но я считал, что надо выбрать тот ремень, который бьет слабее. «Поднаганный» ремень представлял узкую полосу из кожи. Использовался он для того, чтобы револьвер не выпал из кобуры.

Ремень от портупей – это широкий пояс с пряжкой и подвижными ремешками, на который подвешивалась кобура, а одно время даже шашка.

Я всегда выбирал ремешок поменьше размером, то есть «поднаганный», что говорило о моем плохом представлении о законах физики. Одно обстоятельство извиняло мою промашку – физику мы начали изучать много позднее, в шестом или седьмом классе. Но зато когда я стал изучать ее, то понял свою детскую ошибку в выборе меры наказания и стал более внимательно слушать объяснения на уроках.

«Только через тряпочку»

Это заклинание я произносил, когда приходилось обрабатывать йодом мои раны. Царапин, порезов и ссадин, как у всякого мальчишки, было много в течение всего детства и даже юности. Все эти раны надо было обработать йодом, так как все знали о последствиях, если этого не сделать. И тут опять приходилось делать трудный выбор – бежать к родителям и терпеть боль от йода или перетерпеть боль и дожждаться, когда кровь остановится.

Рану можно зализать, но еще лучше дать собаке зализать рану (нашему дворовому псу Бобику) или прибегнуть «к народному средству» – обработать собственной мочой. На мелкие порезы мы часто не обращали внимания, но бывали и большие порезы, тогда хочешь не хочешь, а надо идти лечиться.

Тут и случалась со мной некая странность. Я очень боялся боли от йода и потому отчаянно кричал: «Только через тряпочку!!!» Меня успокаивали как могли и выполняли обещание – накладывали на ранку тонкий слой бинта и мазали через него йодом. Теперь-то понятно, что «тряпочка» служила только отвлечением от болезненной процедуры.

Иногда я при этом начинал плакать, но меня укоряли: «А как же на войне ведут себя солдаты, если их ранили?» Мне становилось стыдно, так как искалеченных войной вокруг много и можно было представить, что им пришлось перетерпеть при этом.

Это съем, так дашь еще?

Когда минуло примерно десять лет после войны, жизнь стала налаживаться. Для женщин это время связано с появлением разного рода увлечений. В свободное время мама занималась вышивкой, шитьем и кулинарией. Особенно она отличалась любовью к стряпне и особенно к пирогам.

Каких только пирогов она не пекла! Самыми вкусными, пожалуй, получались рыбники – с палтусом и зубаткой. Для этого пирога были нужны еще одни руки – отца. Он с вечера засаливал рыбу, порезанную тонкими кусочками. А утром отжимал из рыбы рассол и передавал ее маме. Дальше начиналось действо, и через час-другой на столе уже стояли пахучие пироги.

Что ни говори, но еще много значила русская печь. Ее жар и что-то еще, что не имеет ни вкуса, ни запаха, придавало стряпне какой-то удивительный смак.

Аромат свежеиспеченных пирогов бывал так силен и соблазнителен, что его удавалось учуять на первом этаже дома. Это особенно производило впечатление в праздники. Я имею в виду наши советские праздники – 1 мая и 7 ноября.

На демонстрацию мы уходили довольно рано, и до двух-трех часов дня мы «демонстрировали верность и единство». Но голод не тетка, и к этому времени у всех «демонстрантов» просыпался волчий аппетит. Я вспоминаю, как взлетал на наш второй этаж дома, учуяв манящий запах пирогов. Боже, до чего же это было вкусно!

Когда у нас бывали гости, то пирогов, естественно, пеклось побольше. Для нас, детей, делали отдельный стол. И вот тут и случались интересные сценки.

Во-первых, иногда устраивались соревнования на то, кто сколько чашек чая выпьет за раз и не сдастся, то есть не выйдет из-за стола по малой нужде. Боролись в финале и соревновались до победного конца чаще мой друг Славка и моя сестра Таня. Они одолевали по пять-шесть чашек чая! Окружающие с интересом следили за их состязанием. Чаше побеждала Таня – или может быть, Славка, как настоящий мужчина, пропускал вперед, к славе, упорную женщину.

Таня поражала еще тем, что когда начиналось угощение и мы только попробовали теплые пироги, тут Таня часто спрашивала маму: «Тетя Нина, если я этот кусок съем, то дашь еще?». Конечно, мама ее успокаивала – ешь на здоровье, дам. Так и осталась Таня в памяти со своим вопросом: «Это съем, так дашь еще?»

Во-вторых, после чая с пирогами начинались разные фокусы и розыгрыши. Отец устраивал представление – борьбу нанайских мальчиков.

Это было быстрое и впечатляющее зрелище, заключающееся в том, что отец одолевал в борьбе какого-то мальчишку, напавшего на него. Хотя все заключалось в том, что противником служило полено, хорошо замаскированное под мальчишку.

Играли «в колечко», когда надо было незаметно для водящего передать колечко, двигая его руками по веревочке. Было еще много разных развлечений, помимо карт, лото и домино.

Дом

Жили мы в Верхнем Посаде – самой старой части Вологды. Наш дом называли Свешниковским, а слева и справа стояли Линдеровский и Алаевский дома. Как и во всем мире, дома в Вологде назывались по именам хозяев.

Это было естественно и понятно людям. Долгое время продолжала существовать эта «частнособственническая» привычка по-старому называть дома.

При советской власти всем домам присвоили безликие номера. Если раньше при упоминании имени любого домовладельца у людей возникал образ дома, что-то вспоминалось и о самом хозяине, то после начавшейся революционной катавасии все круто поменялось – тогда же появились номера домов. По номеру дома ничего о нем не скажешь и тем более ничего не узнаешь о хозяине, даже о бывшем.

Потом в тридцатых годах изменилось и название улицы – прежде она носила совершенно невинное название – Громовская, а потом стала улицей Папанинцев. Чем она провинилась или какое отношение улица имела к покорителям севера, никому было не ведомо, да никто, я думаю, и не решался спрашивать о причинах переименования.

А повод у властей для переименований имелся всегда: куда ни глянь – кругом одни «пережитки прошлого», хотя бы в названиях улиц. Возможно, даже не повод, а зуд какой-то ими овладел. И власть предрежащие вдохновенно занимались «искоренением» этих пережитков. Для этого они находили любые поводы – чаще это были разного рода военно-политические события, важные на их взгляд. Так, примерно в год сорокалетия Победы наша улица стала вдруг проспектом Победы. О названиях улиц, появляющихся и исчезающих в истории Вологды, а также и сохранившихся до сих пор, стоит, пожалуй, сказать отдельно.

По-моему, власти долгое время считали это искоренение своей главной задачей. Хотя если задуматься, то станет понятным, что лишение людей своих корней, своей истории не приведет ни к чему хорошему.

Так и последовательность в насаждении обезличивания домов и в уничтожении хозяев вскоре дала результаты – дома тихо ветшали: протекали крыши, облезала краска, начали дымить печи и прочее, и прочее. Оно и понятно, циркуляры писать легче, чем заниматься делом – хозяйствовать, ремонтировать, строить и все прочее. К настоящему времени дома «искоренены» в большинстве своем.

История нашего дома начинается с XVIII века. Строил его один из предков моего деда – Свешникова Алексея Александровича. Деду дом достался по наследству.

Дом построен ловольно добротнo. Единственное, что было в нем слабым – это фундамент. А это, к сожалению, основа любого сооружения. В детстве я замечал, что полы в угловых комнатах заметно покаты.

Сруб дома сложен из мощных бревен. Они оказались настолько прочными, что когда дом расселили, то сруб и крышу дома перевезли в деревню близ Вологды и снова собрали новый дом. Конечно, сменили пару нижних венцов. Так что дом где-то еще живет, но уже другой жизнью. О толщине бревен сруба можно судить по тому, как в детстве, пробираясь по чердаку, мне трудно было переступить через два венца связей. А чердак дома был местом тайного хранения следов былого достатка, уюта и вкуса.

План дома довольно прост – что называется, без затей. Дом двухэтажный, в плане прямоугольной формы с довольно большим крыльцом.

В крыльце было даже два окна (помимо дверей), а над крыльцом располагался балкон. С обратной стороны дома (по отношению к крыльцу и балкону) была жилая пристройка, в которой, помимо одной комнатки, были кладовки и туалет «типа сортир».

Дом крыт железом какого-то необыкновенного качества. Во-первых, железо крыши не особенно гремело, когда по нему ходили, – оно было явно толще обычного. А во-вторых, крыша нигде не протекала в течение почти 150 лет. Хотя на чердаке в двадцатые годы был пожар – обгорели стропила и обрешетка крыши. Известно, что железо после такой передряги обычно быстро ржавеет в дожди. Наша кровля стояла как новенькая. Хотя по причине после-революционной бесхозяйственности крышу красили очень редко. На моей памяти это случилось всего один раз, примерно в пятидесятые годы.

Первый и второй этажи дома заметно отличались: хозяева – мои предки – занимали второй этаж, а первый – для разнообразных хозяйственных нужд. На втором этаже окна и потолки были повыше. Двери, печи и интерьер второго этажа предки выполнили любовно и тщательно. Был в большой передней зале даже небольшой камин.

Верхний этаж всегда занимали Свешниковы. На моей памяти там жили Елизавета Александровна Чулкова (урожденная Свешникова) с дочкой и двумя внуками и мы. Елизавета Александровна с семьей занимала передние комнаты. А задние комнаты второго этажа занимал Георгий Александрович Свешников – мой отец с семьей. С нами жила бабушка – Александра Викторовна Свешникова (Железкова) – мать Елизаветы и Георгия.

Крыльцо – дома лицо. В крыльце были довольно добротные двери – в прежние времена их запирали. Помню, что эти двустворчатые наружные двери были с основательным гремучим засовом. На моей памяти эти двери уже не запирались, их только прикрывали в сильные метели. А отец еще застал время, когда запирались на щеколду даже ворота.

Интересно, Что притвор дверей в крыльце устроен по-северному – то есть они открывались внутрь. Иначе дверь, занесенную снегом, просто бы не открыть. На притолоке при входе в дом висела небольшая бронзовая иконка Николы-Угодника. Жалею, что не догадался снять ее при прощании с домом. А может быть, и хорошо, что не снял. Пусть и дальше Никола охраняет дом.

Помню три возгорания, которые могли перейти в пожары, но, видно, Бог нас миловал.

Причиной одного из возгораний оказались сложные задачи по математике из учебника Шапошникова-Вальцева! А второе случилось из-за бурной любви нашей жилички Зины Нечаевой. Уронить керогаз при этом – это надо умудриться. Третий и последний раз горели перекрытия между первым и вторым этажом. Жильцы нижнего этажа – Михайловы – бездумно нажаривали печь, чтобы успеть переработать мясо свиньи, возвращенной ими. В общем, подложили нам свинью. Выпало это событие на день рождения отца, и дом был полон гостей.

Балкон – это очень уютное место нашей квартиры. На нем в жару иногда гоняли чай из сияющего медного самовара. С наступлением жары на балконе спали. Хорошо, что ночью движение машин по нашей улице в те давние времена считай отсутствовало. Большой грохот издавали телеги, проезжающие по булыжной мостовой, но ночами их то же не наблюдалось.

Мама выращивала на балконе красивые цветы, а на лето туда выносили комнатные цветы – громадный фикус, китайскую розу, тоже развесистую, и кактусы.

На балконе сушили белье и лук в красивых косах, держали летом птиц в клетках, в непогоду там играла сестра Ира с подружками, я под крышей балкона хранил наши удочки, а позднее там же укрывали от непогоды небольшой переносной бильярдный стол.

Не раз через балкон к нам пытались пробраться воры, но как-то все обходилось, успевали вовремя среагировать – либо сами отбивались, либо кого-нибудь звали на подмогу.

На второй этаж дома, то есть в наши квартиры, приходилось подниматься по довольно темной лестнице. При входе на нее имелась еще одна преграда против лихоимцев – дверь с хорошим запором – гремучим кованым крюком.

На ночь, после прихода всех, дверь запирали на этот крюк. Обычно запирали последний пришедший домой. Существовал смешной ритуал – чтобы удостовериться в том, что все дома,

прямо так и спрашивали: «У вас все дома?» Ответ на этот вопрос всегда сопровождался веселыми репликами из-за его двусмысленности.

Лестница не освещалась не из корыстного расчета, что чужой человек не сможет впотьмах найти верную дорогу. Запрещалось развешивать безлимитные лампочки где попало. Поэтому темнота на лестнице часто выручала.

Так, после амнистии 1953 года в городе появилось много темных личностей – бандюканов и просто воря. Вечерами стало опасно ходить по улицам, частенько грабили прохожих и воровали при любом удобном случае.

Бывало, мы сидим дома, кто-то читает, а мы, дети, готовим уроки. Вдруг за стеной, что выходит на лестницу, слышен легкий шорох или осторожные шаги – все ясно, у нас «гости». «Играли тревогу» – стучали в стенку и сообщали родне = Волоцким-Чулковым, чтобы заперли дверь.

Взрослые подходили к дверям и начинали пугать милицией, которую мы будто бы тотчас позовем. Как ни странно, помогало!

А помогало, возможно, наше соседство с питомником милицейских служебно-розыскных собак. Надо сказать, инструкторы, или, как их по-другому назвать, «руководители собак», часто помогали в таких случаях.

Так, летом к нам на балкон залезал лихой человек. Мама в поисках помощи посмотрела в окно, выходящее на собачий питомник, и увидела инструкторов, проходящих близ нашего дома. На ее просьбу милиционеры сразу отозвались и сняли с балкона этого лиходея. Когда его уводили, он похвалил маму, сказав: «А ты чуткая, я ведь и тапочки снял, а все равно услышала. Ну, твое счастье!»

Если же к кому-то приходили гости, то на темную лестницу выносили керосиновую лампу или фонарь со свечой внутри. А свои знали все углы и повороты лестницы и могли легко подняться и спуститься по ней даже с закрытыми глазами.

Но и то случались казусы. Так, я однажды поспешал домой и при входе на лестницу держал вытянутые вперед руки не так, как следовало бы, а немного по-другому, поэтому массивная дверь угодила аккурат промеж рук и хорошо засветила мне в лоб. Были очень яркие впечатления, надолго запомнил, что такое искры из глаз. Зато потом стал более осторожным.

С этой лестницей у моих двоюродных сестер – Тани и Люси Волоцких – были свои приключения. Таня (по-нашему Тютня) – девочка немного порывистая и неуравновешенная – нашу лестницу преодолевала слету, почти с разбегу и даже с некоторым визгом, вроде небольшой сирены. Весь дом, естественно, слышал этот момент возвращения Татьяны. Это почти сигнал: «Все дома – двери можно запирать!» Однако этот скоростной подъем был чреват неожиданными препятствиями.

Ведь бывало, в темноте и относительно покое там задремывал какой-нибудь пьянчужка. Тогда к визгу Тани добавлялся испуганный ор этого пьяницы. Он ведь тоже человек и не мог выдержать такой неожиданной атаки, когда вдруг в полной темноте кто-то с криком нападает на него, да еще и пытается потоптать или влезть на него без спросу. С трудом можно представить, каков был вопль испуганной Тютни! Часто этих пьяниц спасала от натиска Татьяны крутизна лестницы – они скатывались по ней и с криками убегали. Но не всегда.

Бывало сон этих «гостей» был так крепок, что их ни криком не возьмешь, ни прогулкой по частям тела не испугаешь. Тогда приходилось прерывать их сладкие сны и выгонять «гостей» на свежий воздух.

С Люсей Волоцкой, сестрой Тани, случались подобные казусы, но реже. Она была совсем другой. Прежде всего потому, что у Люси была няня – Уба (Люба Красильникова), дальняя наша родственница, уже довольно пожилая. Она беззаветно любила свою Люсю и всегда ждала ее возвращения домой. Поэтому никакие пьяницы не имели шанса прикорннуть на нашей лестнице – их изгоняла Уба на первых подступах и попытках устроиться на ночлег. И хотя Уба была

невелика ростом и на вид довольно щуплая, но сила любви к воспитаннице помогала преодолеть и страх, и свою немощь. Бывало, что и этого напора не хватало, тогда Уба просила помочь моего отца, если он был в это время дома. Позднее и мне приходилось заниматься подобными «санациями», но, надо сказать, что через три-четыре года в Вологде уже стало спокойнее.

Чердак нашего дома – это просто волшебная пещера Аладдина, настолько много таинственных и необычных вещей там встречалось. Иконы, вынесенные в период борьбы с религиозными пережитками, оказались настолько оригинальны, что их с удовольствием забрали в наш краеведческий музей. Иконы были довольно большими по размеру. Теперь мне кажется, что это не домашние иконы, а списки из соседних церквей.

Мой дед Александр Алексеевич Свешников был набожным человеком, может, даже был старовером. Судить об этом теперь трудно – слишком много воды утекло. Следовало бы пораньше спохватиться, и начать расспрашивать близких. Я же стал интересоваться этой стороной жизни, когда уже почти не осталось в живых свидетелей истории нашего рода. Вот уж верно – русский задним умом крепок.

На полках чердачных закутков обнаружилось много отличных книг и журналов. Очень заинтересовала «Нива» и литературные журналы. К сожалению, как во многих семейных библиотеках, ряды журналов и книг несли следы потерь, часто не восполнимых. Но все-таки многое оставалось – Ф. Купер, Ж. Верн, Д. Дефо стали любимыми книгами. А скольких не выученных уроков стоили мне эти книги! Надо признать, что читать я всегда любил, а тут такие книги в полном моем распоряжении. Читал даже ночами под одеялом.

К счастью, среди книг попадались тетради, приходо-расходные книги бабушки и дедушки, письма и прочая бумажная канцелярия – короче, архив. Так я нашел бумаги по передаче владения домом моему деду – Александру Алексеевичу. Нашел его записи по ведению строительства флигеля во дворе нашего дома. Там же были тетради и рисунки отца и его братьев и сестер. Отец учился на землеустроителя, и поэтому встретились красивые рисованные карты с практических занятий в училище.

Среди старых вещей попадались весьма интересные предметы, назначение которых не сразу угадаешь. Так, удивил рубель – гладильное устройство. Снегоступы и крепления для охотничьих лыж – пьексы. Машинка для набивки папирос, правилки для перчаток и шляп и многие другие забавные устройства из быта наших предков долго оставались загадочными механизмами.

Ломберный столик впоследствии перекочевал с чердака обратно в комнаты. Он оказался весьма удобен в качестве небольшого письменного стола. Клетка для птиц тоже оказалась несколько раз востребованной. Она была искусно сделана и очень удобна, но иногда не хватало моего умения выхаживать слетков-птенышек, во множестве попадающихся в начале лета.

Большое впечатление производила старинная утварь – духовые утюги, карбидные фонари и лампы, медные чайники и кофейники, вазы из фарфора, хрусталя и стекла, подсвечники и посуда. Меня удивили игрушки – железная дорога с «настоящими» паровозиками, вагончиками и рельсами. Оловянные солдатики, елочные игрушки, детская посуда, разнообразные коньки и другие волшебные вещи просто завораживали. Поэтому забираться на чердак с отцом было большим удовольствием. Он знал историю почти каждой вещицы и очень интересно о них рассказывал.

Слава богу, что хоть небольшое от былого уклада сохранилось. Некоторые вещи оказались неожиданными даже для отца. Так, я однажды нашел револьвер, завернутый в тряпку и засунутый между трубой и крышей. Понятно, что это серьезный аргумент для милиции при каком-либо казусе. Отец молча забрал револьвер и сказал: «Ты ничего не видел, понял?» Я ничего и не видел, особенно после случившегося. Больше этот револьвер никогда не появлялся на виду. Думаю, что для отца эта находка также была неожиданной.

Среди чердачных находок были и игры. Первым встретился набор приспособлений под названием «Серсо». Он показался таким нелепым и ненужным, что так на чердаке и остался. А вот крокет и бильярд нам приглянулись. Крокет, правда, недолго привлекал нас – примерно два лета. Потом мы подросли, появились городки и другие разнообразные подвижные игры. В девятом – десятом классах летом играли в наш бильярд. Этот бильярдный стол смастерили братья Свешниковы и хранили его на чердаке.

Кстати, о чуланах тоже можно сказать кое-что интересное. В них стояли лари и комоды или что-то подобное. Эти громоздкие сооружения (как их только на чердак затащили!) имели множество ящиков, ящичков, полочек и закуточков. Все они были снабжены удивительными ручками из фарфора и стекла. На многих из них виднелись надписи с незнакомыми буквами – с ятями, ерами и ижицами. Потом я научился читать книги с дореволюционной орфографией, и тогда эти надписи стали понятными.

В чуланах было несколько картин, всего скорее репродукций. Одна из них на меня произвела большое впечатление. Это сцена охоты на бизонов где-то в американских прериях. Конечно, это не охота, а избиение беззащитных животных. Именно кровь и горы тел бизонов и немного ошеломляли. Остальные репродукции – это натюрморты и пейзажи. К сожалению, за долгое время нахождения в не самых лучших условиях краска картин потрескалась и местами осыпалась. А жаль, особенно теперь.

Чердак дома являл собою еще одно волшебное свойство – он был выходом в другое измерение. Ну, если не в другое измерение, то хотя бы в другое пространство – через чердак можно было выбраться на крышу. А оттуда открывался такой вид, что дух захватывало! Во-первых, это другая точка зрения – ты выше всех, а все ниже тебя и даже не подозревают, что ты на них смотришь свысока.

Почему-то всегда привлекали внимание окружающие храмы.

Так, церковь Варлаама Хутынского была очень изящна и необычна. У нее совершенно необычная архитектура для православной церкви – есть в ней что-то итальянское из-за воздушности. Эту легкость ей придает полукруглая колоннада над входом. У церкви очень изящный шпиль – редкое решение для наших церквей. Необычны для церквей севера и две вазы, украшающие алтарную часть.

Я застал период реставрации этой церкви и поэтому смог забраться на леса до самого шпиля. Впечатления остались великолепные. Похожую церковь я не встречал больше нигде, разве что далеко от города, близ села Кубенского, есть слегка похожая.

Другой церковью самой близкой к нашему дому и, пожалуй, самой старой была церковь, носящая имя грозного святого Ильи Пророка. От нашего лома она располагалась к северо-востоку.

Если из-за нее надвигалась темная туча, то кричали всем: «Держись! Туча из-за Ильи Пророка туча идет, сейчас грянет». Все бросались закрывать окна, убирать белье с улицы и загонять детей со двора. Быстро налетала гроза с молниями и громом, обрушивался ливень с сильным ветром. Потом заканчивалось это местное светопреставление и все облегченно вздыхали – пронесло.

А может быть, этот грозный святой охранял нас и наш дом от бед и нашей излишней самоуверенности. Хотелось бы в это верить.

Начальная школа

В школу я пошел в год окончания войны. Это была школа №14, ближайшая к дому. Располагалась она в деревянном особняке. Он был не так богат, как соседний – дом Засецких, в котором тоже была школа. У нашей интерьер был попроще, чем у соседнего лома. Даже печи тоже, вроде, кафельные, правда, не такие богатые и красивые, как в доме Засецких.

С этими печами, помнится, мы не очень почтительно обращались. Меня сразу научили извлекать искры с помощью обычного стального пера. Для этого эффекта следовало тыльной частью пера быстро провести по шву между кафельными плитками. При достаточном нажиме удавалось получить неожиданно яркий сноп искр. А что для парнишки может быть желанней, чем владение каким-нибудь новым приемом, фокусом или уменьем!

Наша школа была неплохой. Судить об этом можно хотя бы по тому, что на уроках часто сидели практикантки из соседнего педучилища.

Нашу первую учительницу звали Зоя Николаевна Прозоровская. Она жила в соседнем доме. Для меня это оборачивалось постоянным гласным надзором, так как обо всех моих проделках родители узнавали, что называется, из первых уст.

Так, Зоя Николаевна не раз сетовала, что я очень тихо говорю, отвечая на уроках. Меня пытались увещевать, стыдить и воспитывать, но это плохо помогало. Какая-то особенность моего организма мешала громко говорить на уроках, но почему-то эта особенность не мешала мне орать на переменках.

Годы после войн были довольно голодными. По какой-то причине я был очень худой, в смысле, тощий, но не настолько же мы не доедали. Однако школьный врач спросил родителей, не из блокады ли я. Чего мне не хватало, не знаю, но про меня долго говорили – «кожа да кости». Постепенно я догнал своих сверстников по весу, и вопросы исчезли сами собой.

Долго сказывалось мое домашнее воспитание. В детском саду я, может быть, научился бы говорить громко и даже смог бы, встав на стульчик, преодолеть робость для выступления со стишками. Но чего не было – того не было.

Не знаю почему, но я слыхом не слыхивал о прививках, и поэтому первые какие-то прививки были для меня потрясением. Я долго не давался эскулапам в лапы. Говорят, что я орал от страха, но сильные аргументы: «Мальчики же не плачут!» и «А как же солдаты на войне?» – сделали свое дело, и мне что-то там привили. Сказалась ловкость рук врачей и медсестер и лживый яд из их врачебных уст.

Осталось в памяти впечатление о попытках системы образования как-то нас подкармливать. То есть формировать что-то вроде пищевого рефлекса, как у собак Павлова. Но кормить-то нас поначалу было нечем, кроме хлеба и сахарного песка. Вот и давали нам на большой перемене кусочек черного хлеба и маленький кулечек (фунтик) с двумя чайными ложками сахарного песку и, само собой, со стаканом жидкого чая. Удивительно, что до сих пор сочетание этих вкусов вызывает воспоминания об этих годах учебы. А вы говорите, что мы люди, а не собаки Павлова!

Весной, когда, наконец, теплело в природе, нам давали булочки-жаворонки. Это был просто праздник! Однако антирелигиозная пропаганда так запудрила всем мозги, что никто из окружающих не смог нам объяснить традиции такого праздника, как Благовещение. Только кто-то из окружающих – либо моя бабушка Саша, либо монашка Маша, живущая у нас в доме, – рассказали мне об этом празднике и его традициях. Правда, я ничего не понял, так как рассказанное не укладывалось в мою картину мира.

Запомнилось упорное тшание учителей сделать из нас каллиграфов. Сначала всю первую четверть мы писали карандашом в тетрадах с тремя горизонтальными и частыми косыми лини-

ями. А потом нам в качестве индивидуального поощрения за старание разрешали писать перьевой ручкой. И мы старались!

Когда мы перешли во второй класс и уже начинали писать в тетрадях с редкими косыми линиями – какой прогресс! – нам показали ученика-первоклашку с почти каллиграфическим почерком. Фамилия его была Марков, этот каллиграф росточку был не очень большого, но пыжился он, как будто совершил что-то необыкновенное, вроде перехода через Северный полюс. Жаль, не удалось узнать его дальнейшую судьбу. Позднее я понял, что хороший почерк никак не гарантирует высокого ума и наличия других талантов. Из всех знакомых наиболее красивый почерк оказался у Вячеслава Н. – человека простоватого и неглупого, но не более того.

Да, надо бы сказать и о перьевой ручке. Это было простое на вид изделие, но сколько труда приходилось вкладывать, чтобы овладеть им, то есть письмом. Поначалу то чернила расплывались, то перо рвало бумагу, то возникали кляксы, и только спустя полгода мы начинали писать и получать при этом хотя бы тройки и четверки. Странно, но девчонки умудрялись получать еще и удовольствие от письма. К нам, парнишкам, это пришло много позднее.

А сколько при этом существовало дополнительных, как теперь бы сказали, гаджетов! Одних перьев было такое разнообразие, что можно было случайно перепутать их и тем самым нарушить табу, наложенное учителем. У перьев существовала какая-то хитрая иерархия. Она определялась порядковым номером, всегда обозначенным на перо. Строгой системы в этой номенклатуре не было – просто учитель настойчиво советовал пользоваться определенным номером пера. Думаю, что определяющим моментом в системе была мягкость пера, то есть способность его к написанию волосяных и жирных (нажимных) линий. Современным ученикам этих терминов не понять.

Много значило качество чернил. Готовили их из порошка, но все старания в поддержании качества чернил легко разбивались небольшим кусочком карбида кальция, опущенным в чернильницу. Этот прием позднее использовали наши великовозрастные шалуны – одноклассники для того, чтобы не писать контрольную работу. Ну, если и писать, то в сокращенном варианте. Подобные проделки могли сорвать и объяснение нового материала. Для этого наши проказники натирали доску воском, и все – написать на ней что-либо мелом становилось невозможным.

Мешали хорошо писать ручкой разнообразные волоски и прочий мусор, попадающий в чернильницу. Избавиться от этих добавок удавалось с помощью специальных перочисток – суконных кружочков, сшитых заботливыми матерями для своих первоклашек.

Как архаизм до сих пор сохранились в школьных тетрадях розовые или зеленоватые листки – промокашки. Они скоро, я думаю, исчезнут за ненадобностью, как, впрочем, и само это слово.

А в наше время промокашка была нужна как воздух. Ведь если ты не промокнешь последние нижние написанные строчки на правой странице и перевернешь ее, то испортишь написанное, чернила размажутся, и все старания пойдут прахом.

Необходимо немного сказать о чернильницах-непроливайках. Что-то в организации образования не срабатывало, и нам приходилось таскать в школу особые чернильницы, из которых чернила не выливались при опрокидывании. Это, конечно, удобно, но лучше было бы иметь в школе нормальные чернильницы.

Школа, естественно, освещалась электричеством, но у переменного тока в те далекие времена была дурная черта – непостоянство. Поэтому в той каморке, где можно было заправить чернильницу, стояли наготове ряды керосиновых ламп.

Если внезапно выключали свет, то в класс приносили с десятков горящих керосиновых ламп. Ставили их по одной на две парты, и продолжался урок. Класс при этом становился

какой-то декорацией для сказочных сюжетов. К сожалению, учителя не пользовались ситуацией и продолжали прерванный урок вместо внеклассного чтения.

Тут надо бы упомянуть о больших возможностях, открывающихся перед моими инициативными сверстниками. Мы еще не знали о сентенции «Темнота – друг молодежи», но догадывались о ее прелестях. В темноте можно было сесть поближе к соседке по парте, если на то были причины и желание. Еще одна возможность открывалась в такой полутьме – это самодеятельный театр теней с помощью рук. Наиболее ловкие ребята могли двумя руками сотворить пару десятков подвижных фигур, порой очень уморительных.

На всю школу были только одни часы. По ним подавали звонки. Часы были явно старинные, возможно, оставшиеся от прежних хозяев. Располагались они около учительской. Тетя Паша – незаменимая, как сестра-хозяйка в больнице, – поднималась по лестнице до того места, откуда можно увидеть циферблат часов, и ждала до окончания или начала урока, звонила она довольно звучным колокольчиком с непонятной тогда для нас надписью «Дарь Валдая».

На пространстве перед дверями в учительскую кипела самая активная жизнь – это была наша вечевая площадь. Тут же стоял рояль, и поэтому здесь же проходили уроки пения. Стоя на уроке пения, я мог видеть ворота и даже пару окон первого и второго этажа нашего дома. Я давно понял, что слава Козловского мне не грозит, поэтому больше наблюдал за передвижениями около дома, чем постигал азы хорового пения.

Надо признать, что наблюдать уже тогда было моим любимым занятием. Даже на уроках со мной воевали учителя и жаловались родителям – на уроке, мол, сидит, но ничего не слышит и смотрит в окно. А я не смотрел, а наблюдал, как примерно на третьем уроке второй смены на балкон директора нашей школы – Александры Павловны Друговской – залезал ее сын.

Он учился в десятом классе и возвращался домой с уроков в это время. Чтобы не отвлекать мать от работы, он забрасывал на балкон свой портфель, а следом и сам забирался по столбу. Меня восхищала его ловкость. А после этого крутого подъема – прообраза современного скалолазания – я включался в урок и успевал уловить, о чем шла речь по ходу объяснения нового материала.

Хотя петь я не любил, но часто слушал пение с удовольствием. Наши девочки на большой перемене выстраивались в два ряда в разных концах нашей вечевой площади и начинали игру-дуэль. Один ряд, притопывая и напевая, надвигался на противную сторону: «А мы просо сеяли, сеяли!» Соперники отвечали: «А мы просо вытопчем, вытопчем!» И так далее... до конца перемены. Были и другие игры с распеванием каких-то рифмованных слов.

На этой площади вывешивались наши стенгазеты. Они были настолько неживыми, что читать их никто не хотел. Только новогодние поздравления и странное предупреждение «Экзамены не за горами» вызывали какие-то человеческие чувства.

По крайней мере, у меня это предостережение об экзаменах вызывало некоторый трепет, но не страх. Уже в четвертом классе мы сдавали четыре экзамена по русскому и арифметике (письменно и устно).

Однажды лет в сорок я воодушевлял своих детей перед экзаменами и задал себе труд пересчитать количество их, сданных за прошедшие годы. Неожиданно их набралось почти с сотню! Может быть, необходимость постоянно сдавать экзамены дала нам что-то, помимо знаний.

Когда я пошел во второй класс, то впервые увидел зачатки дедовщины. Но это была, можно сказать, безобидная дразнилка, а не издевательство и унижение человека. Вся суть ситуации состояла в том, что мы – сопляки – выкрикивали почти сверстникам какие-то бессмысленные слова: «Малыши-карандаши, по тарелке попляши!» В душе я понимал, что для второклассника наши «речевки» – это ничем не оправданный гонор, но почему-то нам хотелось показать свою взрослость и самостоятельность.

Пожалуй, самое главное, что дала начальная школа – это умение учиться, умение преодолевать трудности и видеть в этом и цель, и смысл. Жаль, что здание школы сгорело, и теперь нет даже следов от нее. Но память о ней в нас жива.

Как я учился читать, писать и считать

В первом классе мы, естественно, учились читать, писать и считать. Как нас учили этому искусству, сейчас не упомнишь. Но одно можно сказать с уверенностью – многие полюбили чтение и ходили в несколько библиотек, научились грамотно писать и даже овладели устным счетом.

Про меня родители рассказывали, что чтение по слогам давалось нелегко, возможно, из-за моего большого воображения.

В тот раз нам задали прочитать упражнение по слогам. Было написано «Мама мыла раму с мылом», рядом с текстом рисунок, на котором женщина моет раму. Я читаю по слогам: «Ма-ма мо-ет ра-му».

- Что получается?
- Мама моет окошко!
- Нет, неправильно. Давай снова читай.
- Ма-ма мо-ет ра-му.
- Что получилось?
- ...окошко.

И так несколько раз подряд, пока мое воображение не потерпело поражение и я не убедился в своей ошибке.

Нелегко давалось чистописание. Мы сначала писали карандашом в тетради. А потом отличившимся «писунам» позволяли писать чернилами. Для этого у нас в пенале лежала ручка со стальными перьями. Прямо как у солдата прошлых лет в ранце находился фельдмаршальский жезл.

Писать чернилами было довольно сложно. У каждого были подробные прописи, где даны образцы каллиграфического написания букв и слов. Мы старались написать что-то похожее, но удавалось это редко.

Стараться-то старались, однако трудно было достигнуть хорошего результата. Но мы не особенно огорчались этому. Как будто знали, что спустя несколько лет у каждого сформируется совершенно индивидуальный почерк. Потом, уже на склоне лет, я узнал, что разнообразие почерков – это результат самоорганизации сложной системы. Недаром по почерку можно судить о свойствах личности.

У меня почерк долго был далеким от образцов каллиграфии. Я почти до десятого класса чувствовал этот изъян, но ничего не получалось путного при всем моем старании.

Как ни странно, но более-менее приличный почерк стал получаться после долгого писания плакатов в клубе во время службы в армии.

Считать нас учили, как и сейчас, на палочках. Но пальцы на руке всегда служили им заменой. Самое интересное, что мой дружок Славка почти до пятого класса поглядывал на свои пальцы и как-то хитро их загибал, когда проводил устные подсчеты.

Наш навык использовать пальцы на руке для счета, потом проявляется у взрослых. Мы загибаем пальцы, когда перечисляем какие-то положения в своем сообщении. А европейцы и американцы, наоборот, разгибают пальцы в этом случае. Все-таки кое-что из детства остается на всю жизнь.

Трудно давалась нам таблица умножения, но постоянные тренировки сделали свое дело. Я стал считать устно более-менее прилично. Самый пик умения считать быстро и в уме пришелся на практические занятия по качественному и количественному анализу в Университете. Правда, практические работы по физике и химии тоже способствовали этому умению.

И теперь можно сказать, что нас многому научили без тех нервов и многообразия учебников, которые наблюдаются теперь.

Читать научили настолько хорошо, что мы читали даже на уроках сквозь щель в парте. Читали и тайком под одеялом. Результат такой получился, правда, скорее, потому, что не было телевидения, интернета и других соблазнов.

Писать научился тоже поздно. То есть получать при этом удовольствие стал, когда задумал писать дневники. Наверное, надо было бы обращать наше внимание на хорошие образцы письменной речи. И, пожалуй, не помешало бы умение строить устную речь. Хотя это умение и сейчас остается в стороне от учебного процесса.

В пятом классе мы начали учиться по учебнику математики Шапошникова и Вальцева. Это была, можно сказать, высшая арифметика, а через год при изучении алгебры мы поняли, что можно эти громоздкие задачи решать много легче.

Но тогда для нас начались тяжелые дни и особенно вечера, когда мы обращались к родителям за помощью. Не найдя решения задачи, а они иногда бывали в десять-пятнадцать действий, мы пытались поискать подобные задачи у наших более старших братьев и сестер. Старые тетради для этого хранились в письменном столике. Залезали мы под стол со свечой. Мы же понимали, что с керосиновой лампой туда залезать опасно.

Оказалось, что и свеча – тоже огнеопасный предмет. Мы однажды так увлеклись поиском решения какой-то задачи, что не заметили, как загорелась скатерть, которая была настелена на столе. Хорошо, что отец был дома, и он быстро потушил начало пожара.

Мы поняли, что надо более внимательно слушать объяснения учителя в школе, а то можно и погореть.

А считать, пожалуй, надо было бы многие задачи устно. Так, определение цены на покупки в магазине, вычисление процентов от какого-то количества для многих осталось почти недоступным. Это видно на примере использования понятия «порядка». Часто выражение «на порядок выше (или ниже)» для многих обозначает что-то неопределенное, большее или меньшее, примерно в два раза, а не в десяток раз по сравнению с исходным количеством.

Поэтому хочется сказать, что нас действительно на порядок лучше учили, и школа не была таким уж страшным пугалом, каким оказываются нынешние ГБОУ СОШ. От одного этого названия дрожь берет.

Проступок и поступок

В начальной школе мы, мальчишки, часто шалили, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание девчонок. Иногда это удавалось, и если девочка замечала старания мальчика, то, считай, цель проказника достигнута. К сожалению, за шалости нас иногда наказывали, но чаще занудно журили.

В четвертом классе я считал себя уже почти взрослым, особенно по отношению к более младшим ученикам. Нам же предстояли четыре экзамена – выпускные из начальной школы. Мы побаивались этих первых в жизни испытаний, но они же придавали нам некоторую самоуверенность по отношению к младшим.

Мы иногда шалили, но чаще шалости были мелкими: на переменке бросали тряпку, рисовали мелом на доске, играли в салочки или попросту резвились и громко кричали.

Но однажды мы совершили какое-то тяжкое преступление, за которое полагалась соответствующая кара. Возможно, что это нарушение было серьезным в понимании учителей, но то, что мы о нем ничего не помним, говорит о сущей ничтожности проступка. Полагаю, что кто-нибудь написал на доске не очень приличное слово или еще что-нибудь в этом роде.

Для начала карательной операции надо было выявить зачинщика. Роль следователя поручили Ивану Константиновичу – учителю из соседнего класса и преподавателю физкультуры.

Он, возможно, знал, как следует делать в этом случае. Для этого учитель выстроил нас в нижнем холле, в вестибюле, или прихожей. Мы стояли кучкой в ожидании предстоящих кар и думали, что все наказание обернется очередной взбучкой, после которой нас отпустят. Уроки уже закончились, и все уже хотели идти по домам.

Но И. К. построил нас в несколько рядов на расстоянии вытянутых рук друг от друга. А затем велел поднять руки на высоту плеч и... так их держать.

Мы хихикали, удивляясь легкости наказания, оно казалось простым и даже примитивным. И.К. на нас прикрикнул, и мы посерьезнели и встали, как требовал «начальник».

Уже через пятнадцать-двадцать минут до нас дошло, что так стоять очень трудно. Мы же не знали, что в детстве неподвижность во время сидения, да и стояния тоже, невыносимо трудна.

До нашего детского сознания постепенно дошло, что это же пытка, которую мы не выдержим и скажем, кто же был заводилой в нашей проказе. Слава богу, не нашлось слабаков, все мысленно уперлись и молча стояли. Иногда мы перекидывались словами, но И.К. ходил по рядам и покрикивал на нарушителей.

Время тянулось невыносимо медленно. Спасения никакого не предвиделось, подбирался голод, уроки-то уже давно закончились.

Тут я вспомнил, что вчера мы с другом Славкой были на занятиях морского кружка. Я тогда предусмотрительно сунул в карман кусок хлеба и на обратном пути мы лакомились им, медленно посасывая хлеб во рту.

Решил проверить, не осталось ли кусочка от вчерашнего «перекуса». Тайком засунул руку в карман, пока И.К. повернулся ко мне спиной. Но в кармане оказались только крошки хлеба. Быстро бросил в рот то, что удалось собрать по углам кармана.

Стало чуть веселее жить, хлебные крошки медленно пропитывались слюной и казались очень вкусными. Даже руки стало вроде бы легче держать, хотя они уже казались свинцовыми. Стал потихоньку пожевывать крошки, чтобы потом их проглотить. Это надо было делать осторожно, чтобы «начальник» не заметил.

Вдруг я почувствовал, что вместе с крошками я забросил в рот что-то твердое и, похоже, совершенно несъедобное. Долго «сортировал» получившуюся смесь во рту и решил выплюнуть это «что-то», но тайком от И. К. Осторожно переправил несъедобное в уголок рта и вытолкнул

его наружу. Но, как у собаки Павлова, слюна уже пошла довольно обильно, и это «что-то» тихонько потекло по подбородку.

И.К., проходя мимо, глянул на меня, и я понял, что он почему-то испугался. Ударил меня по рукам и крикнул: «Свободен». Я рванулся к портфелю, пробурчал что-то вроде: «До свидания», – и выбежал в коридор.

Там увидел свое отражение в зеркале и понял, что меня спасло. По подбородку тянулась темно-красная дорожка. Это был разжеванный кусочек кирпича – «снаряда» для рогатки. Но выглядел ручеек как сгусток крови!

Тут вдруг выбежали и мои друзья по несчастью. И.К. отпустил ребят неожиданно для них, после небольшой нотации.

Все-таки иногда детские шалости с рогаткой могут принести неожиданную пользу. Другам же похвалился, что это я их освободил, разжевав кирпич во рту. Они оценили мой способ устрашения И.К., но посчитали его недостаточным.

Скоро все забылось, и теперь уже никто не помнит, что же такого крамольного мы совершили.

Средняя школа

В пятом классе нас перевели в среднюю школу №9. Обучение в те годы было раздельным. Поэтому девочки и мальчики оказались в разных школах. Все наши пассии и симпатии исчезли и потихоньку развеялись, как дым.

В нашей мужской школе царили строгие нравы. Родители могли выбирать для своего отпрыска более или менее престижную и лояльную школу. Среди мужских такой школой считалась первая, в смысле, номер ее, а среди женских – восьмая. Мои родители поступили правильно, считая, что в любой школе можно получить хорошее образование, – все зависит от человека.

В нашем пятом классе оказались ребята не самого лучшего разбора. Это были второгодники, исключенные из других школ за какие-то прегрешения, и прочие, доставшиеся нам в одноклассники.

Эти верзилы, остолопы и активные недоросли вдохновенно хулиганили на уроках. Только у математика Николая Анатольевича, прошедшего войну, они не решались вызывать гнев. Он был решителен и скор на расправу, а оружие для кары у него всегда было под рукой. Точнее, в руке – это палка, которую он использовал при ходьбе, так как был инвалидом. Палкой, как крюком, Н.А. останавливал шалунов, если те пытались улизнуть.

Нас Николай Анатольевич поразили своим бесстрашием и умом. Он за версту чуял готовящуюся проказу наших хулиганствующих молодчиков. Во многих классах были разбиты выключатели, и свет включали, соединяя провода. Наши хулиганы пользовались этим и во время урока исподтишка бросали в «выключатель» тряпку – провода разъединялись, и свет гас. Н.А. подходил и пальцами соединял провода. Все остолбенело смотрели на этот героический поступок. Хорошо, что Н.А. был еще и большим учителем и объяснял, почему и как он поступает, чтобы не пострадать от электричества.

Среди замечательных учителей нашей школы мы помним географичку Щербань и физичку Киру Александровну.

В школе имелаась очень хорошая библиотека. Пройти в нее не так уж просто: сначала надо пройти темный коридор, потом пустой и холодный объем «заднего входа» в школу и, наконец, полутемная и тоже холодная лестница и ты у цели. Богатство книг и особенно научно-популярных журналов на переменах привлекало многих. На большой перемене чтение журналов было для меня лучшим времяпрепровождением. Одно плохо – звонка на урок в библиотеке не слышно. Ничего не поделаешь – приходилось расплачиваться замечаниями в дневнике. Зато на всю жизнь полюбил копаться в толстых и научно-популярных журналах.

Школа еще замечательна тем, что располагалась рядом с рынком. На большой перемене мы бегали туда за семечками или за сравнительно дешевыми пончиками.

Среди особенностей и преимуществ школы можно назвать ее близость к магазину «Наглядные пособия». Они так нас привлекали, что мы называли магазин «Ненаглядными пособиями». Там продавали реактивы, пробирки, лупы и прочие замечательные вещи. Они вызывали какие-то таинственные желания, которые, как мне кажется, привели многих в науку, сделали нас думающими, размышляющими.

Другим достоинством школы можно назвать близость к реке. Ледоход, первый лед и лыжные бега – мы здесь первые участники и свидетели. Удивляло то, что некоторые мои соученики каждый день совершали гонку на лыжах в семь – десять километров – из дома в школу и обратно. Например, Антонов (имя забыл) пробегал на лыжах из деревни Ершово до школы. Это же был почти подвиг!

Когда мы перешли в 8 класс, школу опять подвергли реорганизации, как всегда, «с целью улучшения... и по просьбам трудящихся». На этот раз – мальчиков объединили с девочками.

Думаю, это был своевременный шаг. Раздельное обучение, конечно, имеет свои преимущества, но не настолько они велики, чтобы не видеть пользы и от совместного обучения мальчиков и девочек. Мы, мальчишки, были не совсем готовы к такому объединению, да и для девочек этот маневр оказался неожиданным.

Школа №10

При Хрущеве летом началась коренная реорганизация системы образования. В каждом микрорайоне всех потенциальных восьмиклассников начали записывать в местную школу. Поэтому в нашем восьмом классе оказалось много юношей и девушек из соседних домов.

Так, я оказался в классе со своим хорошим знакомым – Юрой И.. Этому я был очень рад. Мы, само собой, сели вместе за одну парту.

В результате поголовной переписи учеников в класс попали и «паршивые овцы» – ребята «без царя в голове». На наш взгляд, они не только с головой не дружили, да и с душой, всего скорее, у них были нелады.

Мы об этой особенности наших новых одноклассников узнали не сразу. Первые дни занятий прошли обыденно. По многим предметам мы писали контрольные, что понятно, так как учителя должны узнать, как мы подготовлены.

Вдруг всех школьников мобилизовали «на картошку». И сразу на целый месяц. Оказались мы в колхозе близ Паприхи. Хорошо, что Вера Александровна С. – наша классная воспитательница – знала наши возможности (и невозможности) по математике. Она занималась с теми, кто не написал контрольную по математике. Теперь таких учителей уже нечасто встретишь.

Не помню, чей день рождения выпал на сентябрь. Отметим мы его главным образом нехитрыми подарками и шутивными поздравлениями. Никакого праздничного угощения не было, помимо жареных грибов. Из вин в те времена преобладали портвейны и шипучие напитки типа сидра. Вот мы и пробавлялись этим сидром. Для восьмиклассников это самый обычный вариант – и дешево, и сердито. Все были довольны, и потянуло нас на... улицу, на воздух, на природу. Мы шли, распевая нехитрые песни, соответствующие нашему отличному настроению. По сути дела, с этих сельхоз работ и наших простеньких праздников началось человеческое общение парней и девушек класса.

Вдруг наши песни замолкли, когда Игорь Г. и его дружки ни с того ни с сего выдернули дрыны из ближайшей изгороди и набросились на своих одноклассников – на парней и даже на девчонок. Видно, их потянуло на подвиги. Хорошо, что нормальных парней среди нас было больше, и мы кое-как одолели этих «экстремистов». С тех пор я стал представлять смысл поговорки, что «свадьба без драки не бывает». Да и все поняли, что у некоторых наших сверстников явно что-то с головой.

В дальнейшем эти неадекватные ребяташки быстро отсеялись, оставшись на второй год или просто бросив школу. Но больше мы с ними, слава богу, не сталкивались.

Учеба в восьмом классе новой школы отличалась от всех прежних, потому что мы – юноши – учились не с девчонками, а с девушками, и все вместе выросли, влюбились, страдали, ревновали, разочаровывались, соперничали, и много что еще с нами происходило помимо учебы.

Мы еще не раз ездили в колхозы, и не только «на картошку», но и «на лен». Наша Вера Александровна, как классный руководитель, проводила «в нас» беседы, диспуты и вечера отдыха, которые, скорее, увеличивали уровень гормонов и повышали нашу озабоченность. Мы об этой стороне наших мероприятий догадывались, но не всегда конкретно и отчетливо.

Через три года пришло время получать аттестат зрелости. Хотя мы давно созрели, но только теперь об этом новом состоянии получили документ государственного образца. Теперь можно было направиться со своей зрелостью куда угодно, хотя бы и институт.

Наш школьный выпускной вечер прошел как-то неярко. Всего скорее, мы просто не очухались после экзаменов. Был небольшой товарищеский ужин, танцы и песни. На вручении

аттестатов играл настоящий духовой оркестр. Это был «дар» от одноклассника Толи В., влюбленного красивую Нелли Ш.

А потом мы пошли гулять по городу. К сожалению, было очень холодно, и если бы мы не утеплились, то попросту околели бы. Такие холода часто случаются в белые ночи.

В душе колыхался какой-то трепет от предстоящего вступления во взрослую жизнь. Можно сказать, что она приготовила нам прохладный прием, но мы встретили ее капризы уже слегка подготовленными.

Творог и горшок

Мы с отцом несколько раз ездили за грибами в деревеньку Панкино. Деревня эта примерно в часе езды от города на велосипеде. Нас принимала хорошая знакомая – Мардарьевна. До сих пор не знаю, это отчество или фамилия. Всего скорее, отчество, хотя и слегка вычурное.

Вообще-то у нас на Руси очень своеобразно относятся к созданию имен и прозвищ. Они всегда метки и значимы по смыслу. Мне показалось, что наиболее удивительные имена дают на Псковщине.

В восьмидесятых годах прошлого века мы ездили в одну далекую деревню. Каждое лето жили в ней и только на пятом году общения с ее жителями до меня дошло, что соседка Лешиха – это имя, произведенное от имени мужа ее – Леша. Так что Мардарьевна – это может быть прозвище ее.

В тот раз мы приехали в Панкино уже под вечер и угадали как раз к ужину. Пища была простой и вкусной – жареные грибы с картошкой, что может быть лучше. Так как Мардарьевна знала, что я очень люблю творог, то главное блюдо она решила подать, что называется, под занавес. Когда она вошла в комнату с... ночным горшком, полным творога, надо было смотреть на меня. Я просто застыл в изумлении и, видимо, так вытаращился на это горшок, что любому стало бы ясно – у мальчишки шок от увиденного.

Хотя отец шепнул мне, что горшок – это просто эмалированная посуда. А другой посуды в продаже даже и в городе не найти, а в сельской местности, тем более.

Похоже, что я не смог перебороть свое отношение и остался бы без творога. Но тут родители, возможно, шепнул Мардарьевне, самое простое решение – это переложить творог в другую посуду. Это хозяйка и сделала. Я с удовольствием умаял творог с картошкой и даже попросил добавки.

Взрослые, похоже, поняли, что надо сделать, чтобы не было непонимания. И поэтому больше стол не сервировали ночным горшком.

В тот вечер мы так вкусно поели, что уже к десяти вечера глаза начали слипаться, и меня отправили спать. Проснулся я от еще одного потрясения – на спинку кровати над моей головой уселся петух и так громко прокукарекал, что мой сон сразу отлетел. Оказывается, в доме уже давно все проснулись – корову выгнали в стадо, и вообще жизнь кипела.

В лес пошли поэтому не «по первой росе», а чуть позднее. Нас вел сын Мардарьевны – Николай. Он показал чудеса ловкости и какого-то сверхъестественного чутья. Николай находил грибы в невероятном количестве, почти под нашими ногами. При этом он извлекал из-под мха таких малышей – белые грибочки, что мы просто диву давались. Только через час-другой мы тоже начали находить малышей из белых грибочков.

Так прошел наш поход в Панкино. В памяти остались мои переживания от вида ночного горшка с творогом на обеденном столе и две корзины белых грибочков, у которых даже шляпки еще не потемнели, настолько они были молоды.

В Ленинград

Через год после войны меня взяли в поездку в Ленинград. Я впервые ехал в поезде. Двухлетнюю Иру родители оставили с бабушкой Сашей. Поэтому нам представлялась возможность побродить по этому городу и посмотреть его. Пешие прогулки родители любили и предвкушали эту возможность как большое удовольствие.

Их опасения, что маленькая Ира стала бы помехой в прогулках по городу, совершенно понятны. Ведь мои медленные передвижения пешком в три-четыре года то же сдерживали их передвижения.

А ходить в те далекие времена даже с детьми приходилось много. В войну и послевоенные годы общественный транспорт не ходил вовсе или ходил очень редко и был ненадежен. Все передвигались пешком, «пешедралом» или «одиннадцатым номером» – так обозначали этот бипедальный способ передвижения.

Удивительно было то, что ходили в гости или по какой-либо другой необходимости без всякого предупреждения. Коли надо, то шли и обычно заставали знакомых или родных на месте. Двери иногда вовсе не запирали, достаточно было в них постучать и после этого войти.

Если же двери оказывались запертыми, то искали звонок. Это колокольчик с «дистанционным приводом», но висящий в квартире. Снаружи рядом с дверью имелась особая ручка, которую надо было дернуть на себя. Через натянутую проволочку усилие передавалось рычажку, который ударял по колокольчику. Некоторые звонки имели какие-нибудь надписи, вроде «Вишу у дверей – звони веселей».

В худшем положении оказывался посетитель, если двери в доме оказывались запертыми, а звонка не имелось. Когда стук косточками пальцев или кулаком не достигал слуха хозяев, то приходилось «включать усилитель сигнала». Для этого надо встать спиной к двери и стучать в нее пяткой. Обычно удавалось достучаться.

Так что ходили много, и пешие переходы через пол города считались обычным способом передвижения. Это отразилось даже в речи. Так, выражение «сходить в город» обозначало посещение центральных частей города. Теперь такие переходы редки, и все чаще говорят «съездить в город (или центр)».

Опасения родителей по снижению скорости передвижения с маленьким ребенком чуть позднее оправдались полностью. Через несколько лет всей семьей мы были проездом в Москве. Посетили Третьяковку и ВДНХ. Иринка, как всякий ребенок, быстро уставала, а основные проблемы, которые нам приходилось разруливать, заключались в трех ее желаниях – попить, пописать и поесть. Слова «алгоритм» еще не было в обиходе, но последовательность действий уже была четко запрограммирована даже детьми.

Первые впечатления

Все, что связано с впечатлениями от поездки, для меня оказалось совершенно новым и потому непривычным. Даже предвкушение поездки стало настолько всепоглощающим, что в день отъезда еще с утра я потерял аппетит. Зато как только сели в поезд, мне захотелось есть. Да не просто есть, а утолить почти волчий аппетит. О чем я и объявил в первые же минуты после начала движения.

Поезда в те времена ходили неторопливо, так как водили их солидно пыхтящие паровозы. Они имели привычку часто останавливаться, потому что каждые полтора-два часа паровозики набирали воды в тендер – эта стоянка длилась минут двадцать. А примерно через три часа приходила очередь более длительной стоянки, как пояснил отец, для чистки топки паровоза.

Я увидел эту настоящую мужскую работу. Она особенно впечатляла тем, что на улице становилось по-летнему жарко, и с трудом представлялось, что есть профессии, в которых люди вынуждены создавать собственное маленькое пекло.

Мы видели, что из-под топки паровоза сыпался дымящийся шлак. От него веяло таким жаром, что шлак тут же заливали водой. Он свирепо шипел и плевался паром и едкой пылью. Помощник машиниста гремел какими-то тяжелыми железяками, заглядывал в раскрытую топку и забрасывал в нее уголь.

Наконец это действие закончилось. Потный помощник машиниста спустился из кабины паровоза на перрон, тяжело дыша и утирая обильный пот. Было видно, что он с трудом переводит дух после тяжелой работы. Помощник поднял большой чайник с водой, жадно попил из него воду и, наклонившись, вылил немного ее себе на шею и голову.

Отец объяснил, что чистка топки – это тяжелая работа, и особенно в жару. Да я и сам это видел. Тогда в душе я представлял, что стану летчиком, а такое занятие, как чистка топки, на самолетах не встречается.

Как я был наивен! Потому что летчиком я по разным причинам не стал, а вот чистить топку в жару мне пришлось, и не раз. И тогда я не раз вспоминал свои детские впечатления от этой поездки.

В поездке мне многое казалось необычным. Прогуливаясь вдоль поезда, я заметил, что некоторые вагоны чем-то отличаются от нашего. Еще сильнее отличались пассажиры. Так, в этих вагонах ехали довольно толстые краснорозе люди, которые на остановках выходили на перрон в нижнем белье! Я очень удивился этому. Отец объяснил, что это пассажиры мягких вагонов, и надето на них не нижнее белье, а пижамы. В них, конечно, ехать можно, но выходить в пижамах на улицу не следует.

Из объяснений отца я так же понял, что вагоны делились на мягкие, жесткие, или плацкартные, и общие. Мы ехали в плацкартном вагоне, название это не сразу и выговоришь, тем более не сразу поймешь.

То, что у нас жесткий вагон, можно легко понять – полки в нем, действительно, жесткие, они плоские и деревянные. Они удерживались металлическими тягами с петлями на концах. На всех неровностях пути и на поворотах эти железяки нещадно гремели.

В жестких и общих вагонах тогда не было чая, привычного теперь, хотя это кажется невероятным. Зато на каждой большой станции имелась избушка или домик, на котором имелась крупно написанная надпись «Кипяток».

Туда на остановках стремился народ, чтобы утолить жажду, да и просто перекусить, запивая чаем, – невозможно же есть всухомятку свои дорожные припасы.

Кстати, в те годы ходила байка про иностранца, который удивлялся тому, что в СССР все станции называются одинаково – «Кипяток».

Следы войны

Ехали мы очень медленно, особенно после Тихвина. Там железная дорога проходила через бывшую линию фронта. За окном вагона разворачивались картины последствий войны. Я неотрывно смотрел в окно.

Надо отметить, что в старых вагонах окна очень удобны для этого занятия. Оконная рама у них опускалась так, что из окна при желании можно даже вылезти. Поэтому временами я высовывался из окна почти по пояс.

Такого количества разбитой военной техники еще никогда не видывал. Бросались в глаза пушки и танки, как немецкие, так и наши. А окопы, колючая проволока и воронки по национальной принадлежности определить было невозможно. Но их было так много, что тянулись они за окном почти до самого Ленинграда. Руины разбитых зданий около станции Саперная стояли почти до 1970 года.

Большое впечатление вызывали надписи «Осторожно, мины!», висевшие на колючей проволоке, а кое-где на дощечках, приколотенных к палочкам. Многие из объявлений были совсем рядом с железной дорогой.

Первые шаги по Ленинграду

Наконец мы приехали. Нас встретила тетя Клава. Я впервые увидел эту таинственную родственницу, с которой отец иногда предлагал мне поговорить по телефону.

Каждый раз, держа трубку у своего уха, я страшно мучился с вопросами-ответами, ибо совсем не представлял, о чем можно говорить с взрослым человеком, которого никогда не видел.

Тетя Клава жила на Гагаринской улице, и поэтому от вокзала до дома шли пешком. Для меня вид разбитого города был ошеломляющим. Кое-что из «истории» домов поясняла Клавдия Николаевна, но многое можно было понять и самому. Особенно печально выглядели руины со стенами, на которых сохранились коврики, часы, фотографии, а иногда и картины. Нелепость и слепая случайность гибели потрясала воображение.

Тетя рассказывала, что у нее от голода, как у многих, не было сил спускаться в бомбоубежище. Тем более, жила она на шестом этаже. Во время тревог она часто оставалась в квартире, и несколько бомб падали где-то рядом (мы видели остатки этих домов). Дом дрожал, от близких разрывов, и однажды шкаф чуть не упал на нее.

Но первым заведением, которое мы посетили, оказалась баня.

Баня

Сказалось бдение у вагонного окна, оно изменило мой внешний вид. Волосы на голове были наполнены гарью от паровозного дыма. Даже за ушами скопилась грязь. Надо было срочно приводить меня в «божеский» вид, как сказала мама. Хотя ванная комната в коммунальной квартире существовала, но она не действовала – во время блокады от мороза разорвало трубы. Порешили – идем в баню.

Чайковские бани слыли заведением известным и почитаемым любителями хорошего пара. Как обязательный атрибут бани, перед входом в отделение толклась очередь. Через полчаса мы все-таки туда прошли.

Да, баня оказалась более ухожена, чем наша главная – Железнодорожная – в Вологде. В гардеробе стоял фикус! встречалось, однако, много покалеченных войной мужчин, не было толстяков, а чаще были худые и неторопливые люди. Пар в бане оказался настолько хорошим, что отец в парную сходил несколько раз.

Меня отмыли. И потом мы выпили в буфете не виданный мной до тех пор напиток – клюквенный морс.

Музей обороны Ленинграда

Тетя Клава жила совсем рядом с интересными местами – с Невой и Фонтанкой, с Марсовым полем и Летним садом. Наши пешие прогулки по прекрасному городу, хотя и разбитому войной, почти каждый раз приводили к какому-нибудь новому «открытию». Это «открытие» оказывалось новым, в первую очередь для меня, но иногда бывало открытием какой-нибудь новой стороны и для родителей. Каждый виденный дом, церковь или дворец отец как бы нам преподносил. Он помнил многие свои «открытия» со студенческих времен и теперь щедро делился ими.

Но одно открытие стало неожиданным даже для отца. Им оказался Музей обороны Ленинграда. Он располагался совсем рядом с Гагаринской, и при первой возможности мы его посетили.

Теперь там располагается знаменитая «Муха», а в то время все это громадное здание в Соляном переулке было целиком наполнено блокадными экспонатами. Такого музея я не видел никогда. Потом его, к великому сожалению, разгромил Сталин, точнее, его приспешники. Теперь, конечно, что-то восстановлено, но многое исчезло бесследно.

То, что там представлена почти вся военная техника и наших, и немцев, – это еще не все. Там поражали воображение удивительные диорамы, очень много фотографий и прочих вещей, которые теребили душу и вызывали почтение к пережитому ленинградцами. Конечно, присутствовала и радость от одержанной победы, но сквозила и боль от пережитого ими ужаса и страданий. Меня впечатлила огромная пирамида из касок, которая перекликалась с верещагинским «Апофеозом войны». Конечно, это сравнение подсказал отец.

Конфета

Родители посещали многих своих знакомых, и однажды в гостях на прощание меня угостили довольно большой конфетой. Но так как чай уже попили, то я так и носил ее в руке. Нельзя сказать, что я жаждал чаю, но поесть конфеты просто так, как яблоко или печенье, я не мог – не привык.

Я почти целый день с ней не расставался, а так и держал в руке. От тепла конфета стала мягкой, но шоколад, похоже, был настоящий, поэтому она «дождалась» вечера. Точнее, вечернего чая. Тут я и предложил ее тете Клаве.

Сделал свой презент я не очень деликатно, но все равно тетя была потрясена моим терпением. Мы честно разделили конфету на двоих. Я впервые понял, что подарки могут приносить радость не только одаряемому.

Самокат

В поисках нужной вещи в послевоенные времена даже в Ленинграде приходилось тратить много времени, обходя один магазин за другим. Таким «способом» мы искали обычный самокат.

Для поиска нужного товара у советского человека развивалась интуиция и настойчивость. Существовал, конечно, и блат, но встречались и добрые советчики.

Такой доброй феей для нас стала Ханна Михайловская – продавец «Спортмага» Апраксина двора. Она была хорошей знакомой моих родителей и быстро перечислила магазины, где можно поискать самокат. Х.М. заверила, что если они вдруг появятся в продаже в их магазине, то она непременно нам сообщит. Но самокат – это скорее игрушка, чем спортивный инвентарь. В их магазине самокатов не появилось. Мы же продолжили поиски.

И вдруг однажды нам встретился мальчик – счастливчик, катавшийся на новеньком самокате. Мы его спросили, где ему купили эту дефицитную колесницу, но мальчишка испугался и уехал куда-то в сторону.

Слежка за ним дала результаты: мы нашли наконец заветную скамейку в Летнем саду, где сидела мать владельца желанного подвижного средства.

От нее узнали, где продают эти чудесные колесницы. Нам следовало всего лишь добраться до универмага у кинотеатра «Гигант», что на площади Калинина.

Как мы достигли заветной цели, надо писать отдельно. Потом мы пешком вернулись обратно, на Гагаринскую. Я-то, правда, не пешком передвигался, а уже пытался катиться на новеньком самокате. Ах, как же я был счастлив в тот момент!

Эрмитаж

Посещение Эрмитажа – это обязательная часть программы любого гостя Ленинграда. То, что это большой музей, я знал из рассказов родителей. Но то, что Эрмитаж так велик, я не представлял. Отец правильно продумал нашу экскурсию, мы ходили примерно часа два. В результате получилось, скорее, знакомство с самим зданием Эрмитажа, чем с обязательным «набором» его шедевров.

Помнится, что мы осмотрели знаменитые часы с павлином, в этом зале тогда действовало несколько «фонтанов слез».

Тогда же был открыт для входа сад под открытым небом, и мы прошли по его аллее.

Мне понравился рыцарский зал, тем более что отец сделал его посещение сюрпризом. А потом посмотрели коллекцию холодного оружия. Я понял, что надо качать мышцы. А все потому, что размеры и вес двуручного меча внушали уважение к их владельцам. Можно было догадаться, что махать таким увесистым оружием мог только настоящий силач.

Некоторые экспонаты этих залов удивили своей формой и тонкостью работы. Особенно этим выделялось холодное оружие, но и огнестрельное, похоже, произведено с не меньшим тщанием.

Петергоф

Побывали мы и в Петродворце. Я тогда впервые ехал на электричке. Она мне поначалу показалась довольно комфортной. Называлась электричка странно – Ср-3. Но катила она бойко, свистела, правда, как-то визгливо, но доехали мы до места быстро – всего за полчаса.

То, что двери в вагон были обычными, как в пассажирских вагонах, меня не удивило. Не знал я еще об автоматических дверях.

Петродворец тогда прозывался по-русски, а не по-немецки – Петергоф. Сказывалась неприязнь к немецкому языку.

Сам дворец еще лежал в руинах, но многие фонтаны уже работали. Мы успели посмотреть некоторые из них, пока наконец не добрались до Монплезира. Там меня заинтриговали фонтаны-шутихи. Я долго следил за тем, на какой камень надо нажать ногой, чтобы вдруг брызнула вода. Я бы долго наблюдал, пока отец не намекнул мне, что, возможно, фонтан срабатывает по команде человека. И только тогда я увидел «виновника» чудесного действия шутихи.

От всех увиденных красот я пришел в недоумение – почему надо было разрушать такое красивое создание рук человека.

Обратная дорога

На обратном пути я собирался еще раз посмотреть на следы войны, так поразившие меня прежде. Я рассчитывал, что теперь я встану к окну с другой стороны поезда, чтобы увидеть то, что я не смог рассмотреть по дороге в Ленинград. Кое-что все-таки удалось увидеть, но быстро наступила ночь, и на том закончились мои наблюдения.

Утром из-за вынужденного безделья решил узнать, что будет, если я подпрыгну и буду наблюдать, как за это время сдвинется поезд. Так началась моя первая попытка изучения закона относительности движения и покоя. Не знал я тогда, что Галилей уже давно его открыл.

Мои эксперименты решительно прекратили пассажиры, которые почему-то хотели спать. И особенно мои прыжки раздражали людей, желающих с утра пройти в туалет. Мне в тот раз пришлось отложить открытие уже давно открытого закона. Так бытовые проблемы погубили на корню научную мысль.

Впоследствии мы еще не раз ездили в поездах, и почти всегда люди оставались глухими к моим опытам. А как было бы здорово подпрыгнуть всем пассажирам одновременно, поезд от такого облегчения сразу бы побежал быстрее, но люди не захотели меня понять.

Так человечество иногда тормозит прогресс. Как потом оказалось, я был неправ, но не совсем. К сожалению, многим представителям человеческого общества, действительно, наплевать на многие законы природы. А жаль, им жилось бы интересней, а может и безопасней.

Пятигорск

Летом в начале пятидесятых годов мы собрались поехать в Пятигорск в гости к родне. Ехали всей семьей. Для нас с Ирой это было первое далекое путешествие.

Поэтому можно понять, почему мы чувствовали себя немного не в своей тарелке от предстоящей поездки. Проявилось это в том, что мы в день отъезда ничего не ели, но зато набросились на еду сразу после посадки в вагон.

Поезда по-прежнему ходили неторопливо. Паровозы все также шли с частыми остановками для заправки водой, а через два-три часа всегда была долгая остановка для чистки топки, что сказывалось на всем поездном обиходе.

На крупных станциях при долгих остановках пассажирам удавалось пообедать в станционном буфете или даже ресторане. Для этого на улице или на железнодорожном языке – на перроне – устраивали ряды столов с уже готовыми обедами. С тех пор сохранилось в памяти: почему-то яркое солнце, белые скатерти на столах, надуваемые ветерком, как паруса, и толпы, обедающих за столами.

В то же время помнится, что бежали обедать далеко не все – многие оставались в вагонах и пробавлялись чайком. Для них на станциях близ вокзала имелось заведение с названием «Кипяток».

Странствующие неслись к этому источнику и набирали в чайники кипятка в неограниченном количестве. В вагонах начиналось пиршество. Чаевничали с пирогами, баранками и батонами, заедали чай конфетами и сахаром вприкуску. Особенно нравилось попивать чаек после начала движения. За окном начиналось бесплатное кино: сцены из жизни окраин и пейзажи, слегка разбавленные железнодорожными мотивами. Поезд бежал, не торопясь, и народ тянуло на разговоры и даже на песни.

Помимо чая удавалось подкрепиться в пути горячей картошкой, солеными огурцами, помидорами или фруктами. Купить их предлагали самостоятельные продавцы, выходящие к поездам, особенно дальних направлений. Эта снедь часто выручала в дальних переездах человека со скромным достатком.

Паровозы не были столь деликатны в движении, как нынешние локомотивы, и первоначальный рывок после частых остановок был уже почти ритуалом и не вызывал неудовольствия у пассажиров. Запах паровозного дыма, пожалуй, также не казался неприятным, а, скорее, наоборот, был ароматом путешествий.

Вагоны в те времена тоже существенно отличались от нынешних. Встречались еще в поездах даже двухосные вагоны – маленькие и суетливо дергающиеся во время движения. Гордостью железнодорожников к тому времени становились «пульмановские» вагоны – четырехосные, всегда ядовито-зеленые, кажущиеся верхом комфорта неприятным современным.

Полки в таком вагоне были дощатыми, совершенно плоскими, опускающимися на день так, что служили спинкой пассажирам, едущим на нижнем месте. На ночь полку поднимали в горизонтальное положение и закрепляли специальными железками с петлями на концах. Днем же эти железки висели без дела и громко брнчали.

Наиболее интересным местом по дороге до Москвы была Волга, точнее, мост через нее. Проезжали Волгу уже почти ночью, но многие, я заметил, ждали именно этого момента и только после него стали укладываться спать.

Мы тоже полюбовались Волгой. Она оказалась тихой и величественной в ночном полумраке белой ночи. Потом мы еще дождались появления и самого Ярославля, в смысле, вокзала станции Всполье, ну а после тоже улеглись спать.

Москва

Утром нас встретила Москва. Хотя до прибытия на вокзал было еще далеко, но задолго появились признаки приближения к большому городу.

Высокие платформы электричек, не виданные в наших краях, трамваи и троллейбусы, подвозящие толпы людей к вокзалам, облик городков, пронесившихся мимо окон поезда, тоже отличался чем-то московским. Но скоро поезд начал идти медленнее, дома за окнами стали ближе и заметно выше, и наконец поезд встал как вкопанный.

Долго, как нам казалось, мы выходили из вагона. Первые шаги по московской земле поразили необычным шумом – это предлагали услуги носильщики, таксисты и еще какие-то люди.

Необычный и новый особый запах большого города удивил и запомнился надолго. На метро мы добрались до станции «Красносельская» и остановились у Шурочки Александровой – дальней родственницы и бывшей вологжанки.

Остановка наша длилась недолго – вечером мы уезжали с Курского вокзала. Весь день мы ходили и ездили по Москве. Больше ходили – папа любил и знал Москву.

Он рассказывал то, что сам узнал, когда бывал в Москве с заводской футбольной командой.

Побывали и в Третьяковке. Тут опять отец нас провел по самым интересным залам. Теперь можно сказать, что реализм Репина, Сурикова и Левитана отца привлекал больше всего.

Мы так утопались, что решили присесть отдохнуть. Отец показывал нам наиболее интересные на его взгляд улочки и переулки старой Москвы.

И вот мы забрели в какой-то, как оказалось, ведомственный двор. Но мы не подозревали, что там все «охвачено» охранкой. Только мы присели и вздохнули после долгих переходов и многих впечатлений, как подскочил охранник в своей синеватой форме и строгим официальным тоном потребовал: «Покиньте эту территорию». Родители пытались объяснить – сейчас дети отдохнут, и мы уйдем. Но, как все охранники, наш был непреклонен и бессердечен. Пришлось уйти. Прошли немного по улице и нашли более спокойное место для недолгого отдыха.

Вечером мы отчалили на юг в поезде до таинственных Минеральных Вод.

Дорога на юг

Уже утром я удивился изменениям окружающей природы, происшедшим за ночь. Поразили почти тропические птицы, как потом узнал, что это удода. Вместо обычных сероватых деревянных бревенчатых домов стали встречаться беленькие хатки.

Скоро лесов стало меньше, а полей и степей все больше. Появились пирамидальные тополя.

Около станций и будок обходчиков начали мелькать не виданные мной мальвы и какие-то другие большущие цветы. Удивляла ухоженность встречающихся железнодорожных переездов, даже обычных путевых будок и километровых столбов. То, что около жилища обходчиков были клумбы, еще можно было понять, но чтобы на откосах дороги близ жилья служивых людей камешками были выложены разнообразные лозунги, прославляющие самого мудрого и самого любимого, это было как-то необычно. Все камешки, окаймляющие эти творения рук человеческих, были старательно побелены.

И еще одна особенность здешних мест удивляла и радовала – все детишки, а часто и взрослые приветливо махали руками вслед проезжающему поезду. Видимо, южные люди немного приветливее, чем у нас, на севере. Может быть, потому что наши края более суровы, но обычно приветствовали поезда у нас только дети, а взрослые много реже.

Постепенно стало жарко в вагоне, и люди начали открывать окна. В старых пульмановских вагонах они открывались совсем по-другому, чем в современных вагонах. Сами окна в них были совсем другими – узкими, и открывались иначе, чем в теперешних поездах.

В дороге, как обычно, я постоянно торчал у окна и высовывался, чтобы рассмотреть что-либо впереди поезда. От паровозного дыма и копоти я опять становился к концу путешествия таким грязным, что приходилось по приезду всегда идти в баню. Но зато я видел много интересного.

Постепенно вместо клубники и черешни к поезду торговцы стали выносить яблоки «белый налив» и вишню. А мы все ехали и ехали. Остановки становились все продолжительней, и однажды мы остановились на несколько часов. Хорошо, что эта стоянка случилась ночью и в вагоне не было того пекла, который был бы днем.

Оказалось, что впереди нас произошло крушение грузового поезда. После долго ожидания мы на малой скорости проследовали мимо него, лежащего по левую сторону от нашего поезда.

Картина открывалась страшноватая и впечатляющая. На ближайшей станции узнали, что возможной причиной крушения стала автосцепка, выпавшая из последнего вагона предыдущего поезда на пути. Тогда большая часть вагонов еще была оборудована буферами и винтовыми стяжками. Автосцепки же только внедрялись, и вот этот «внедрей» так дорого обошелся.

Из-за этого события наш поезд сильно опоздал в Минеральные Воды. Мы приехали во второй половине дня. Стояла такая жара, что сразу становилось понятным – это и есть юг!

До Пятигорска мы добирались электричкой. А потом на такси: оказалось, что до дома Тамары Ивановны Головкиной – маминой сестры – другим способом добраться очень трудно, так высоко он был расположен.

Дом на горе Пост

На машине мы быстро добрались до дома, где нас встречала дружная компания родных, которых мы с Ирой совсем не знали. Это семья Тамары Ивановны Головкиной. В ней две дочери: старшая – Надя, а младшая – Тома, а самый младший – сын Сашка. Кроме Т. И., нас встречал ее муж – Володя – громадный и в высоту, и в поперечнике. Он слыл в Пятигорске одним из лучших кулинаров-кондитеров и совершенно не тужил по поводу, как теперь говорят, избыточной массы тела.

Он сразу рассказал на эту тему байку про повара-толстяка, который захотел похудеть и пришел по этому поводу к врачу.

Врач спрашивает:

– Не переедаете ли вы?

– Что вы доктор, я почти ничего не ем.

– Тогда я ничего не понимаю. Чем же вы питаетесь весь день?

– А ничем и не питаюсь. Ну, разве что, когда пробую еду на вкус, тогда чуть-чуть проглатываю – иначе не узнаешь, соленая пища или нет, вкусная или не совсем.

– Тогда мне все понятно. С завтрашнего дня вы эти пробы не глотайте, а сплевывайте куда-нибудь. Вечером посмотрите, много ли наберется. Договорились?

Через неделю повар приходит к врачу:

– Доктор, вы не поверите, за день набирается два ведра!

– Все так думают, что ничего не едят. А бывает и много больше двух ведер съедается. Так что чаще плюйте на своей работе.

Мы тут же попали за стол, который потрясал не только красотой блюд, но и вкусом. Все жалели, что поезд опоздал и мы с утра не попали на этот пир горой. Теперь уже под вечер, да еще и в жару, мы не отведали многих вкуснятин.

Дом, где жили Головкины, удивлял своим расположением. Вид из него открывался необыкновенный – виден весь Пятигорск и его окрестности.

Как предполагали жители соседних домов, название «гора Пост» – это следы того, что тут располагался чей-то сторожевой пост. Но чей, так никто и не знал.

Нам показали основные достопримечательности здешних мест. Хорошо была видна гора Машук, горы Бештау и другие, поменьше и почти все без названий. К вечеру стала хорошо видна вершина Эльбруса, освещенная закатным солнцем. Утром оказалось, что она видна еще отчетливее.

Нам рассказали историю о том, как во время войны немцы решили переделать дом под резиденцию коменданта.

На то, чтобы жители покинули дом, дали сутки. Но за это время обитатели дома разбежались по окрестностям и насобирали муравьиных куч. Эти муравьи не оценили преимуществ новоселья и жестоко кусались. Но немцев они отпугнули, и те оставили дом и жителей в покое.

А муравьи поуспокоились, осмотрелись и остались жить. И теперь уже жителям пришлось приспособливаться к соседям-новоселам.

Когда мы приехали, то нас предупредили: муравьи – ребята мирные, но ухо надо держать востро. Стало быть, нельзя оставлять никакую пищу открытой – набегут – и все, пищи нет, а где-то рядом будет новый филиал их сообщества. Мы постепенно привыкли к таким необычным домашним животным и скоро уже не обращали внимания на их присутствие.

В те времена почти обычным было наличие коммуналок, и если в литературе есть их образ в виде Вороньей слободки, то здесь мы увидели Муравьиную крепость.

В доме жило довольно много обитателей, но уживались они хорошо, так как у каждого жилища была возможность завести свой огородик. Земли вокруг было достаточно – рядом

с домом гора Пост была не заселена. Копай не хочу, только вот воду на гору таскать далеко-далеко. Но копали грядки упорно, кто хотел и не ленился, мог обеспечить себя продуктом своих трудов. Хранить его, правда, было сложно, подвал под домом был, но небольшой.

О том, что соседи дружили, говорил обычай приглашать друг друга в гости по поводу какого-либо события.

Я же отличился и сходил в гости сам, отдельно от всех. Дело было ночью. Пошел я в туалет, а по простому – до ветру. Потому что при доме был туалет «типа сортир», но во дворе. Ночи на юге темные, но туда дорогу я нашел быстро.

А вот на обратном пути малость заблудился. Головкины жили на втором этаже. По лестнице я шел довольно уверенно, а вот в темном коридоре потерял ориентиры. Надо было идти, держась середины коридора, до наших, в смысле, искомых дверей. К стенкам приближаться не стоило – там стояли шкафы, висели велосипеды, корыта для стирки и прочие гремучие предметы.

В темноте я, как мне казалось, дошел до дверей Головкиных, тихонько ее открыл и... понял, что попал не туда. Там все было другое – едва светлеющие окна, запах и какие-то чужие окружающие предметы.

Я испугался, поняв, что зашел в чужую комнату, развернулся и с испуга не мог даже ручку двери нащупать.

Тут раздался голос: «Что, малыш, заблудился? Толкай дверь сильнее!» Я наконец выскочил и с трудом нашел нужную дверь. Трудно передать, какую радость я ощутил, когда улегся в свою постель.

А утром все посмеивались над моим ночным путешествием. Но теперь это было уже не страшно. Я посмотрел, насколько ошибся в своих поисках нужной двери, и понял, что мне до Шерлока Холмса еще очень далеко.

Машук и окрестности

Много времени мы проводили в прогулках по городу. «Экскурсоводов» было достаточно – сестры Надя и Тома с удовольствием показали все местные заветные уголки. Мы поняли, что Пятигорск – это очень красивый и уютный город.

Не понравилось только отсутствие нормальной воды для питья и купанья. Все источники, а их оказалось немало, были с водой, которую пить не тянуло. Она пахла сероводородом, а нашему, тухлыми яйцами, да и вкус воды был своеобразный.

Спасало от жажды наличие продавцов с голубыми тележками и со стеклянными колбами, в которых был сироп – сладкий и ароматный. Особенно хороша была вода без сиропа, но продавщицы становились нелюбезными, когда мы заказывали воду именно «без сиропа».

Моя сестра Ира так полюбила воду, что у нее выработался особый ритм жизненных проявлений. Он заключался в трех уже известных нам важных этапах – попить, поесть, пописать. Так мы и передвигались по городу – от тележек с газировкой или магазина с соками к буфету или столовой, где что-нибудь съедали – мороженое, печенье или фрукты.

Как только мы выходили на оперативный простор, как появлялась потребность Иры в туалете. В те далекие времена их также не хватало, да еще и очереди в женский туалет уже стали извечной и крепкой советской традицией.

Но все равно увидели много, и что-то из этого запомнилось. Так, впечатлили красивые веранды-галереи, где болящие люди попивали минеральную воду. Я все ожидал, что найдем и галерею с нормальной водой, но, как вы догадываетесь, ожидания не оправдались.

Удивило, что в таком жарком южном городе не оказалось нормального водоема, где можно искупаться. Недавно узнал, что эта традиция крепка, как гранит, и до наших дней Пятигорск не поступился принципами – все купаются в том же пруду.

Посмотрели мы и Провал. Это удивительное место. Какова сила природы! Машук, да и все окружающие горы – это бывшие вулканы.

Эти «изверги» извергались тысячи лет назад, но до сих пор не иссяк порох в пороховницах. В Провале так разило сероводородом, что становилось понятным, почему древние греки запахом ада считали «аромат» сероводорода. Там, внутри, чувствуется какая-то силища, проравшая эту гору, как старый футбольный мяч. Народ туда валом валит. Недаром Остап Бендер там торговал билетами.

Потом уже с отцом и с Надей мы поднимались на Машук, посетили место дуэли Лермонтова, посидели в Эоловой арфе, но так и не уловили дыхания ветра. А жаль – было бы еще одно незабываемое впечатление.

А через неделю мы отправились в обратную дорогу.

О самостоятельности

Во времена нашего детства взрослые почти не вмешивались во времяпровождение детей, поэтому они быстро становились самостоятельными. Примером и подтверждением может служить грубоватая шутка, с которой родители обращались к детям, правда, уже умеющим плавать: «Утонешь, домой не приходи». Да и как родители могли проследить за детьми – многие работали, причем шесть дней в неделю.

В то далекое время наша страна с трудом выбиралась из-под обломков войны. Многого не хватало, может быть, не хватало иногда тепла в семейных отношениях, но детей тогда не воровали, не насиловали и тем более не убивали.

Утром мы выходили из дома погулять, хотя на деле это чаще были непрерывные игры, начиная с фантиков и жмурок и кончая играми «в ножички» и прятки.

Примерно в середине дня предполагался обед, а затем опять игры и забавы почти до темноты. У старших детей, помимо домашних дел: воды, дров, помоев и еще чего-нибудь, – были обязанности полуняньки и полунадзирателя за младшими сестрами и братьями.

Родители знали, что дети во дворе и что они играют и за ними кто-нибудь приглядывает, оставалось только провести с ними «вечернюю поверку». Надо вызвать их с улицы, покормить и спать уложить. Так что родительский контакт с детьми был только утром и вечером.

Конечно, радоваться такому непродолжительному «воспитательному процессу» не следовало бы, но, может быть, поэтому отношения между нами складывались почти по-взрослому образцу – без сюсюканья и лишней опеки.

Но зато как было хорошо, что мы не были стреноженными и поэтому ощущали не только свободу, но и ответственность за поступки и проступки.

Но была и свобода – это, пожалуй, самое главное! Однако и цену за нее иногда платили большую. Немало друзей детства в детстве же ушли из жизни. Они тонули, попадали под поезда, калечились от самопалов и попадали в дурные компании, даже среди моих знакомых можно насчитать троих бедолаг, рано и нелепо погибших.

А остальные? Все оставшиеся в живых, избежавшие всех опасностей свободного детства не всегда осознавали все достоинства и радости жизни. Их самостоятельность, оптимизм и трудолюбие, но и некоторое легкомыслие, часто происходят из далекого детства.

Елка к Новому Году

Мы с другом Славкой были, что называется, «не разлей вода». Все, что можно, мы делали вместе. Для этого книги, лыжи, коньки и велосипед, рыбалка и сбор грибов и ягод были хорошими поводами. Жалко, что в те времена телефоны не были в широком пользовании, но зато мы могли переговариваться с помощью фонарика и азбуки Морзе через окна наших квартир.

В баню мы тоже ходили вместе. Вообще-то о банях в те годы можно бы слагать оды. Не меньше чем один раз в неделю бане надо было посвящать время.

Бань, естественно, не хватало, а очереди в них были огромными. Стояли, бывало, по часу и больше. А потерянного времени уже тогда было жалко.

Мы почти случайно нашли выход из этого почти безвыходного положения. Два года с лишком с раннего утра ходили мы в одну маленькую баню. Там и пар был хороший, и народу немного. Открывалась она в шесть утра! Возможно, потому, что это была заводская баня.

С этой баней, правда, была необычная накладка. С самого открытия, когда в бане еще никого нет, в ней одна участливая жена мыла своего слепого мужа. Нам она не стала помехой, да и места в бане много. Мы мылись в одном углу, а верная жена с мужем-инвалидом – в другом. А спустя месяц мы уже привыкли к необычной ситуации и не обращали внимания на нее.

Самое главное, мы с другом не стояли в очередях, и никто не мешал нам болтать о прочитанном, увиденном и услышанном. Нам всегда было интересно общаться.

Понятно, что и в разные авантюры мы пускались тоже вместе. Так перед Новым годом мы увидели, что продающиеся елки не очень красивы, да и довольно дороги. Решили, что надо попытаться самим добыть елку в лесу. А на сэкономленные денег можно купить катушку для спиннинга.

Родители были не против такого предпринимательства, и мы вышли в поход.

Зима в том году стояла крепкая и снежная. До известного и любимого леса между Молочным и Вологодой мы добрались без особых помех.

В лесу мы быстро поняли, что не совсем готовы к приключениям. Снега навалило так много, что мы в нем могли потерять валенки, пробираясь через сугробы. Поэтому передвигались мы с большим трудом и очень медленно. Все подходящие по размеру елки до половины были завалены снегом. А добраться до основания деревца из-за снега было почти невозможно без хорошей лопаты.

Тогда решили срубить вершину какой-нибудь старой ели. А вокруг стояли высоченные ели, с очень густыми ветвями.

Пробираясь сквозь частые и колючие ветви и борясь с подбирающимся страхом высоты, мы все-таки добрались до вершины. Вернее, до того места, где можно уже рубить желанную верхушку ели. С трудом срубили своими туповатыми топорами по штуке и полезли вниз.

Перед спуском хотелось немного отдышаться и оглядеться с высоты. Я очень удивился тому, что наш Софийский собор и Звонница показались такими близкими. А после небольшого отдыха мы стали спускаться.

Теперь ель не хотела пускать губителей назад и цеплялась за одежду, задирая полы одежды вверх. Смотреть вниз на ветви, на которые можно встать, оказалось очень неудобным и немного страшноватым занятием. Но и в этот раз нам повезло – спустились к земле благополучно.

Отдыхались и подались в обратную дорогу. И тут быстро поняли, что с елкой наш путь станет много трудней. Хорошо, что кое-где можно было пробираться по нашим старым следам. Долго мы пробирались до шоссе, устали, промокли, проголодались. Пот лил ручьями, а в валенках было сыро от снега, набивавшегося сверху.

Вышли на шоссе и стали ждать грузотакси. В те годы вместо автобусов ходили грузовички с тентом и скамейками в кузове. Начинало темнеть, на дворе-то декабрь – самые короткие дни. Место у дороги открытое, ветерок и морозец вроде и невелики, но без укрытия стали они нас одолевать.

И тут возник, как посланник божий, наш спаситель. Это был водитель остановившегося грузовика ГАЗ-53. Он, видимо, понял по нашим понурым фигурам, что нам плохо и надо помочь. Спаситель вышел из машины, закинул наши елки в кузов, а нас посадил в машину. Дал нам на двоих пол-сайки (были такие булочки). Для нас она показалась вкуснее куличей и пирогов.

Довольно быстро доехали до дома, шофер Андрей ради нас сделал небольшой крюк. Он помог нам достать елки из кузова, пожелал удачи и собирался ехать.

Мы его благодарили так искренне, что он немного приостановился и сказал: «Ладно, не благодарите, но помните, что вам повезло – вечером мало машин едет в город. Пусть это будет вам уроком: если идете в лес, да зимой, то будьте готовы ко всему. Но вы молодцы – крепко держались. Ну, бывайте!»

Тут он укатил, а мы, с трудом передвигая ноги, пошли по домам. Я и Славка на всю жизнь запомнили человеческого Андрея и даже номер его колесницы. Потом иногда видели его машину и всегда приветливо махали друг другу руками.

Летом в августе мы оказались в том же лесу. Собирали малину и грибы, если попадутся. Случайно вышли к участку леса, где пробирались по снегу зимой. Летом его невозможно узнать. И только ели со срезанными вершинами выдавали место нашего приключения.

Стало немного не по себе, потому что верхние ветки елок уже немного загнулись вверх. Казалось, что они как бы приподняли руки, показывая свое возмущение нашим поступком. Больше таких походов за новогодней елкой мы не делали – хватило одного урока.

Торфянка

Сразу за вагоноремонтным заводом начиналась окраина города, ближайшие села Лукьяново и Григорьевское располагались друг за другом по дороге, идущей из города. Примерно к югу от села Григорьевского до поселка с романтическим названием Ковырино тянулась «торфянка». Это осушенное болото, из которого в войну и некоторое время после нее добывали торф – пожалуй, главное наше полезное ископаемое.

От тех времен остались длинные и широкие канавы-карьеры глубиной около метра. Они заросли вереском, багульником, ивой и березками. Неожиданно мы прознали, что на «торфянке» полно голубики. Нам объяснили, как туда добраться, и мы через день пошли «на промысел».

Надо сказать, что ребята и девчонки нашей компании часто собирали дары природы в ближайших полях за городом. Вдоль излучины реки тянулись обширные луга. Там пасли коров, но эти же луга считались нашим местом промысла крапивы, гусяного лука, щавеля и земляники. А тут вдруг нам открывались новые неизведанные места.

Нам исполнилось уже по семь-восемь лет, и мы проводили целые дни во дворах около домов. Приглядывали за нами главным образом бабушки, а вот дедушек ни у кого уже не было. Бабушки отслеживали, прежде всего, регулярность питания – то есть посередине дня отпрыску полагался обед. В этот период приходилось откладывать коллективные игры, так как то один, то другой член команды «выбывал из строя» по уважительной причине.

Быстро наметили время выхода из дома «на операцию „Голубика“». Почему-то считалось, что на сбор ягод и грибов обязательно надо выходить как можно раньше. Если честно признаться, я не понимал, зачем надо так рано вставать.

Но я все-таки довольно легко поднимался часа в четыре утра, даже на пять-десять минут раньше будильника. Большинство друзей также легко просыпались и вовремя были в условленном месте. Был, однако, среди нас один любитель поспать, но мы его поднимали, начиная стучать в окно, рядом с которым он спал.

Любопытно, что этот парень потом пошел в военное училище. Как уж он привыкал там к раннему подъему, не знаю, но сочувствую ему заранее.

Мы, потихоньку переговариваясь, собирались и потом всей компанией шли по пустынному городу в сторону «торфянки». Рано утром город совсем не такой, как днем. В нем царила тишина и покой, даже громко говорить не хотелось.

Эта сдержанность исчезала, как только мы проходили железнодорожный переезд и оказывались в поле. Здесь все начинали говорить и смеяться в полный голос. Почему так получалось, не могу сказать, ведь мы росли не столь уж деликатными, но что было, то было.

Скоро мы подходили к «торфянке». Там быстро разбредались по бывшим торфяным карьерам и начинали сноровисто собирать ягоды. Не забывали и в рот кидать. Наедались так, что под конец сборов не хотелось больше голубику в рот брать – набивала оскомину.

Почему-то у голубики было много названий: и пьяника, и гоноболь, и еще с пяток других, не менее неожиданных. Мы пытались узнать, почему с названиями такая чехарда, да так и не узнали.

Хотя и с названиями других ягод тоже не все было понятно. Так, боярышник наша бабушка называла «кратегуз». Позднее я узнал, что это русский аналог латинского названия, и подумал: может быть, гимназисткам так основательно давали латынь, что получилось несколько прозвищ ягоды. Но к тому времени бабушки Саши уже не было в живых, поэтому название так и осталось маленькой тайной.

Часа через два-три наши корзинки уже наполнялись. Мы начинали собираться в обратную дорогу. К этому времени становилось тепло, а иногда и жарко. Болотные растения начи-

нали издавать такой сильный и опьяняющий запах, что у некоторых начинала кружиться голова. Правда, это обычно случалось с девчонками, а мы, парнишки, не страдали от такой ерунды. Сам по себе торф тоже издавал довольно специфический аромат, но больше всего пахло багульником, вереском и некоторыми травами.

К одиннадцати-двенадцати часам дня мы возвращались домой «с чувством выполненного долга», как потом писали в своих сочинениях. Но все-таки некоторое удовлетворение появлялось, когда мы гордо ставили корзинку с ягодами дома на кухне.

А потом мы бежали купаться. Теперь это и кажется тем счастливым детством, когда задуманное удается, а ты себя вознаграждаешь небольшими, но заслуженными радостями.

Пути-дороги

С другом Славкой мы расставались только на ночь. Вместе шли в школу, вернее, не шли, а поспешали из-за большого расстояния до нашей средней школы.

Обратно мы возвращались уже не спеша и все время что-то обсуждали. Правда, по дороге в школу мы то же говорили, но на более приземленные темы – о выполненных домашних заданиях. По математике тогда нам задавали такие головоломные задачи, что решение их иногда бывало в десять и много больше действий. Поэтому чаще мы делились своими способами решения. Но, конечно, случалось говорить и на более интересные темы.

Особенно хорошо говорилось по пути домой. Дорога из школы была всегда длиннее, чем утром, в школу. Она была другой и во времени, и в пространстве. Мы могли пойти тремя разными маршрутами и выбирали тот, который нас более интересовал в этот момент.

Чаще мы ходили примерно той же дорогой, по которой спешили в школу. Но только шли медленнее и глазели по сторонам. Если утром мы через рынок проходили быстрым шагом, сокращая дорогу к школе, то днем это был извилистый путь через интересные места.

На рынке торговали семечками, которые мы не покупали, но брали щепотку на пробу. Это не возбранялось. Нам хватало этой небольшой порции, чтобы немного утолить уже проявляющийся голод.

В школе не хотелось ходить в буфет – там было много народу и не очень вкусно готовили. Вместо буфета лучше на перемене сходить в библиотеку и посмотреть там новые журналы.

Одним из развлечений на рынке со временем стало чтение объявлений. Они бывали настолько парадоксальны, что часто вызывали наш дружный смех. Вот мы и соревновались в том, кто найдет более смешной «шедевр».

Писали о продаже одежды и мебели, Часто торговали поросятами и цыплятами, но это случалось ближе к лету. А изредка появлялись сообщения о каком-то решительном изменении в жизни прежнего владельца, которое требует продажи всего хозяйства. Так, сообщение «Продаю козу, фикус, пальму и столетник» почему-то вызывало представление о спешном отъезде женщины в дальние страны. Она уже все распродала и оставила напоследок самое ценное.

После рынка мы иногда заходили в хорошую библиотеку Облпотребсоюза, в этом учреждении работала мать Славки. Библиотека предназначалась для сотрудников, но имелись в ней и хорошие книги для детей среднего возраста. Там мы могли задержаться надолго, так как хорошую книгу выбрать трудно.

Потом мы направлялись в сторону крепостной стены и парка. Шли по бульвару, красиво в любое время года. Иногда в начале зимы по его краям появлялись раскатанные ледяные дорожки. Ни одну из них мы, естественно, не пропускали и катались с большим удовольствием.

Потом поднимались к красивому дому Засецких, в котором в то время была железнодорожная начальная школа. А наши дома стояли почти за этим зданием.

Иногда мы шли по берегу реки и по Соборной горке. Нам хотелось глянуть, не замерзла ли река или не начался ли ледоход. С Соборной горки всегда открывался красивый вид на реку и наш любимый берег. Иногда на берегу близ спуска с Ленинградской улицы устраивали ледяную гору. Тут сам бог велел скатиться разок-другой с нее – почти самой большой в городе.

Теперь надо было поторапливаться домой, тем более у Славки была довольно суровая бабушка, которая держала внука под строгим контролем.

Для сокращения дороги домой от реки мы шли дворами. Самый короткий путь пролегал через двор Мыльниковых на улице Засодимского. Он «действовал» только осенью, зимой и в начале весны. А как только начинались садово-огородные работы, этот путь перекрывался Мыльниковыми – хозяевами рачительными и строгими.

Зимой дорога по краю Соборной горки давала еще одно занятие, которое получалось только в оттепель. Мы лепили снежок и бросали его таким образом, чтобы он летел почти параллельно склону, то есть как летом бросают камни, чтобы получились блинчики. В оттепель такой снежок тут же превращался в снежный шар, который, скатываясь по склону, иногда достигал больших размеров. Вот мы и соревновались – у кого получится самый большой ком снега.

Однажды в сильнейшую оттепель с обильным снегопадом мы направлялись на Соборную горку, как вдруг увидели, что на каждом столбе с наветренной стороны налип толстый слой снега. Мы начали ударять по столбам так, чтобы этот снег обваливался. Так увлеклись этим занятием, что когда все столбы со снегом закончились, я обнаружил, что потерял калошу. Пойди найди ее теперь под снегом. А калоша-то новая. Повесил виновато свою голову и пошел домой. Естественно, был нагоняй, хотя я объяснял, что найти калошу не было возможности – слишком много снега выпало и много столбов мы «обработали».

Еще одна дорога привлекала нас, но ходили мы по ней реже всего, так как она была связана с денежными затратами. Эта дорога начиналась с того, что, выходя из школы, мы поворачивали не в сторону дома, а в обратном направлении. После поворота на улицу Сталина мы проходили небольшое расстояние и оказывались в магазине «Наглядные пособия». В нем продавали все, что может пригодиться учителю географии, биологии, химии и физики.

Мы медленно передвигались вдоль витрин и пожирали глазами разнообразные приборы, колбы с пробирками, глобусы и карты, скелеты и муляжи. А уж электромоторчики, паровые машины и другие притягательные образцы пособий давали полное основание переименовать магазин в «Ненаглядные пособия». Изредка мы там что-нибудь покупали. Первой моей покупкой был небольшой электромотор, я приспособил его к модели подъемного крана, собранного из металлического детского конструктора.

Наглядевшись на пособия, мы направлялись домой тоже через рынок. Для того, чтобы сократить дорогу, мы входили туда через проезд с улицы. Справа, сразу после входа в рынок, был тоже притягательный магазин рыболовных и охотничьих принадлежностей.

Там висели ружья, лежали ножи и патроны, в углу в витрине стояли удочки и спиннинги. Короче, это был стимулятор для творчества и воображения. И самое главное, эти впечатления порождали нашу фантазию и желание что-то сделать своими руками. Через год мы стали мастерить свои рыболовные снасти. Первое, что мы пытались соорудить, – это катушку для спиннинга. Об этом этапе я уже писал. Но стоит сказать, что каждый элемент нашей корявой конструкции был темой для обсуждения. Так фантазии воплощались в жизнь. Пусть катушка наша не оказалась очень прочной, но зато очень прочной стала наша дружба.

Так дороги в школу и обратно оказались путями, на которых мы становились немного другими.

НВП

В нашу школьную жизнь в девятом классе вторглась военная подготовка. При сроке службы в три года, конечно, следовало нас заранее готовить к армии. Иначе за столь короткий срок нас не успеют сделать настоящих защитников Родины.

Называлась эта учебная дисциплина «НВП», из чего следовало, что нам дадут начала военной подготовки. Перво-наперво нас стали учить ходить строем, хотя на физкультуре мы тоже не толпой ходили.

Однако только военрук сразу ущучил, что наш одноклассник Олег К. ходит «иноходью», то есть правую ногу и правую руку поднимает одновременно. До этого момента никто не замечал этого изъяна – не изъяна, а, скорее, особенности.

Во всем остальном военрук был обычным разгильдеем. На последующих уроках он объяснил основы правильного прицеливания и стрельбы. А потом военная подготовка постепенно превратилась в самоподготовку к войне. Чтобы мы не выходили из класса во время урока, военрук выдавал нам духовую винтовку и по десятку пулек, а потом исчезал.

Мы стреляли по мишеням, но свинцовые пульки быстро заканчивались, и приходилось придумывать их заменители. При первом же возникновении дефицита пулек мы освоили производство «эрзац-пулек» из тетрадных листов. Брали полоску бумаги и туго скручивали ее, подгоняя под калибр духовой винтовки. Летели они неплохо и били по телу довольно чувствительно. А куда еще стрелять, если наши пульки до мишени почти не долетали.

Искусством изготовления пулек занимались двое-трое ребят из класса, а остальные на НВП переключились на довольно любопытное занятие. Они шли в туалет и наливали там полный графин воды. А потом эту воду пили, но весьма занимательным способом.

Заводилой был Валентин К. – самый высокий среди нас и поэтому пользовавшийся некоторым авторитетом. Он придумал, а может быть и задумал, довольно странное упражнение. Валентин наливал почти полный стакан воды и пытался выпить его залпом, то есть одним глотком. Правда, получалось это не всегда, но зато было неограниченное количество воды, чтобы довести это умение до совершенства.

Остальные соревнующиеся старались не отставать от лидера в этом состязании и, тоже давясь, глотали воду стаканами. Примерно к концу учебного года почти все «спортсмены» овладели этим странным умением.

На следующий год НВП уже не было в нашем расписании. Но, как говорится, «умение не пропьешь», оно осталось и спустя десяток лет возможно, пригодилось.

Несколько человек из «команды тренирующихся» на склоне лет пристрастились к зеленому змию. Поэтому можно сказать, что их занятия на НВП дали возможность эту аббревиатуру понимать как «навык водку пить».

Сквозь пургу

Ах, как мы ждали каникул! Пожалуй, посильнее, чем сейчас ждем отпуска. Нельзя сказать, что мы не любили школу. Скорее, у нас возникли сложные чувства. И поэтому в каникулы мы хотели новых ощущений, тех, которые почти недоступны во время учебы.

Одним из таких ощущений или, скорее, желаний стала рыбалка. Зимой ловля совершенно не похожа на летнюю, она другая, и не сразу скажешь, какая из них более интересна и увлекательна. Зимой на рыбалку ездили в более далекие места. Тут был нужен кто-то из старших, который знал бы, как и куда добираться до рыбных мест.

Тут иногда выручали либо знакомые, либо друзья родителей. Хорошо, что у родителей было очень много друзей и товарищей.

Это были друзья детства, знакомые по школе, армейские сослуживцы, коллеги по работе, а потом и соседи по даче. Очень часто друзья появлялись в результате случайного знакомства или как результаты общения любительниц вышивания, членов общества охотников или рыбаков, но случались и другие пути сближения.

Мне казались необычными знакомства, возникающие у женщин, лежавших вместе в роддоме. И только когда мне исполнилось шестьдесят, в пору моего увлечения синергетикой, я понял, что это примеры социальной самоорганизации.

Именно наличие множества общих интересов между людьми приводит к возникновению взаимосвязей между ними. В результате возникает дружба. А общие связи и интересы придают их дружбе аромат, крепость и что-то еще, что отличает каждую дружбу друг от друга. Так, если дружат три друга или подруги, то это не три дружбы, а шесть разных дружб!

У мамы было много подруг, но дружба с Леной Г. отличалась тем, что они познакомились в роддоме. Началась дружба в то время, когда родился я у мамы, а у Лены – Наташа – моя сверстница.

Дружба мамы с Леной прошла испытания. У Лены в войну погиб муж. Правда, позднее она снова вышла замуж. Спустя год у подруги-Лены родился сын Станислав. Мама и Лена часто встречались, так как и жили близко друг от друга. Так что общение продолжалось и выросло в хорошую дружбу.

Потом мы подросли. Случайно узнали, что муж подруги оказался заядлым рыбаком и изредка он стал брать на рыбалку меня и сына Станислава.

Постепенно мы хорошо узнали друг друга. Муж Лены стал известен как Иван Николаевич. Он был веселым, неунывающим человеком, хотя с фронта вернулся малость покалеченным – на правой руке осталось три пальца – большой, средний и мизинец. Служил Иван Николаевич экспедитором, то есть развозил разные товары из склада по магазинам и столовым.

Иван Николаевич был общительным, улыбчивым человеком, по характеру похожим на литературного героя – Василия Теркина. Как многие фронтовики, был не прочь «заложить за воротник». Иногда объем принятого зелья был явно больше допустимого.

Иван Николаевич обычно объяснял перебор тем, что его не поняли. Друзья, мол, пригласили выпить, но я им строго сказал: «Ни-ни, мне много нельзя. Лена будет ругаться».

Дальше Иван Николаевич рассказывал, что как друзья ни уговаривали, я, мол, стоял на своем – выпью свою норму и больше ни капли. Показал он им, сколько можно налить, так ведь изобразили, мерзавцы, что не поняли и налили не столько (при этом он показывал расстояние между большим и средним пальцами), а чуть больше (показывая расстояние между большим пальцем и мизинцем).

И еще была одна черта у Ивана Николаевича – он никогда не ругался бранными словами, а, махнув обреченно рукой, цедил сквозь зубы: «Ко прахам!» Поэтому среди знакомых и друзей Ивана Николаевича называли «Ко прахам».

Однажды «Ко прахам» предложил мне и Станиславу в зимние каникулы съездить на рыбалку на реку Лежу, в деревню Лобково. Я, конечно, согласился и быстро собрался.

Вообще-то зимой надо собираться более основательно, чем летом. Помимо снастей и наживки, нужна теплая одежда, естественно, еда. Все оборудование для рыбалки – ящик-шарманка, пешня – это тоже немалый груз. Так что нагрузились мы основательно и вечером пошли на пригородный поезд, который должен был нас доставить до станции Паприха.

Как нарочно, на город навалилась метель, но на вокзале этот падающий под косым ветром снежок казался небольшой помехой. И самый большой вред от него – это, возможно, плохой клев. Но «Ко прахам» нас взбодрил: «Охотка не хлябай! Не грустить – сдюжим! А погода наладится!»

Вагон поразил своей стариной. Потом в фильме «Идиот» пытались показать такой раритет, но мало что удалось. В этом двухосном вагоне почти не было перегородок, то есть никаких купе и полок. В центре этого небольшого вагона стояла буржуйка, в ней весело полыхал огонь, было довольно тепло. Скамьи стояли рядами вокруг печки, и между ними оставался проход, чтобы пройти человеку с вещами. Мы устроились ближе к выходу, так как должны были ехать всего минут сорок.

Кондуктор – высокая громкоголосая пышнотелая женщина – проверяла билеты и объявляла остановки. В своей черной форменной шинели она была местным царем и богом. Но в сумраке вагона, освещаемого двумя свечками в фонарях, каждое появление ее было внезапным, и начиналась суматоха – кто-то выходил на остановке, а потом начиналась проверка билетов у вошедших на станции.

В тепле и сумраке вагона мы даже задремали, хотя каждое появление кондукторши немного мешало.

Вдруг мы оказались в водовороте ее внимания и спросонья выскочили, чуть ли не в сопровождении стимулирующих пинков вагонной богини.

«Ко прахам» пытался объяснить, что это не Паприха, а другая станция. Но в темноте и в метели что-либо увидеть было невозможно. Кондукторша, как монумент, стояла в дверях вагона, и было понятно, что она не допустит нас обратно в поезд. Тут и поезд показал свой характер, взял да и тронулся. Он так быстро исчез в метели, что можно подумать – они с богиней в сговоре.

Через несколько минут оправдались предположения нашего «Ко прахам». В пурге и ночной мгле мы обнаружили, что эта садистка в шинели высадила нас раньше времени на станции Чахлово. До нужной нам станции придется идти еще пять километров, а может и больше.

«Ко прахам» взбодрил нас каким-то афоризмом, но чувствовалось, что он понимал свою оплошность за утрату бдительности. Делать нечего, теперь надо идти до Паприхи. Но единственный ориентир – это засыпанные снегом рельсы со шпалами.

Пурга все крепчала, снег на глазах заметал слабые следы прошедшего поезда – рельсов уже почти не было видно в темноте. Идти по шпалам, засыпанным снегом, было не очень удобно. Приходилось либо часто семенить ногами, либо широко шагать, а это любом случае очень неудобно и медленно. Как говорится, мы так накувыркались уже через полчаса, что стали идти все медленнее.

И тут сзади стал появляться какой-то свет. Мы поняли: нас нагоняет поезд. Быстро скапались в сугробы вправо от линии. Мимо прогрохотал в клубах пара и огнях паровоз с несколькими вагонами. Хорошо, что это был коротенький поезд и мы недолго отсиживались в кустах. Мы посмотрели ему вслед и выползли на рельсы.

Тут я увидел, что из кабины паровоза над тендером через каждые несколько секунд вырывается какой-то красноватый сноп света. Он походил на какие-то сообщения, передаваемые с помощью прожектора.

Хорошо, что мы понимали смысл, а точнее, бессмыслицу приступов шпионмании, бушевавших тогда. Ведь можно было бы принять этот свет от открываемой топки паровоза за сигналы азбуки Морзе.

Бывало встречались «бдительные» граждане, которые даже щелканье жучка-древоточца принимали за тиканье часов от мины и вызывали милицию или госбезопасность. Встречались и более курьезные случаи, но сколько совершенно безвинных людей пострадало из-за подозрительности нашего обывателя!

Через час-полтора мы все-таки вышли к Паприхе. Все, наконец закончилось это хождение по шпалам. Тут «Ко прахам» стал настоящим нашим проводником.

Мы обогнули станцию и вышли в поле. Иван Николаевич объяснил, что надо найти нужную нам дорогу. К станции подходят две дороги, а нам надо держаться правой из них. Но как в этой белой пелене найти ее?

Мы принялись бродить по снегу, стараясь нащупать ногами твердую дорогу, чтобы найти нашу и только нашу дорогу.

Наконец, нашли, но пошли, пожалуй, еще медленнее, так как все время ходили зигзагами и искали ногами дорогу. Уже казалось, не будет конца этому блужданию или что мы топчемся на одном месте и никак не продвигаемся вперед. Так устали, что даже не стали останавливаться, когда кто-то крикнул: «А вдруг тут волки!» Иван Николаевич успокоил, что в такую погоду волк не любит охотиться – следов не найдешь и бежать по снегу не сподручно.

И тут впереди показался слабый огонек, наконец, мы вошли в деревню. Вокруг тишина, избы засыпаны снегом по самые крыши. Ни одного огонька, кроме той избы, к которой мы и вышли.

Это была довольно большая изба, около нее стояли сани с поднятыми вверх оглоблями. «Ко прахам» пояснил, что мы вышли как раз к постоялому двору. Поднялись в темноватую «залу». Там было сильно накурено, дым был ядреный от махорки. За длинным столом сидели человек пять или шесть и играли в карты. Над столом висела керосиновая лампа с жестяным абажуром. Светила она неярко, и как уж игроки разбирали масть карт, одному богу было известно. По углам на полу вповалку спали люди. Хозяин предложил теплой картошки и поставил самовар.

Мы были рады оказаться в тепле, ноги уже гудели после долгой ходьбы по снегу. Все оценили прелесть теплой картошки с салом и хлебом. Эта еда показалась вкусней пирогов.

Нас тут же сморил сон. Но спали мы не очень долго. С рассветом около семи-восьми часов утра стали подниматься возчики. Они курили, кашляли, что-то ели за столом и, громко разговаривая, выходили на двор. Скоро стихло – это разъехались возчики.

Нам тоже надо было вставать и опять идти, но уже утром, слава богу, уже без пурги и по свежепроложенной колее от саней.

Перед выходом мы чуток перекусили – опять горячей картошкой, но уже с консервами «Бычки в томате».

Хотя существовала примета, что рыбу брать с собой на рыбалку не следует, но выбор продуктов был невелик в те поры. Да и съели мы ее еще до рыбалки.

Хорошо, что пурга унялась, а на востоке в просвете между тучами и горизонтом занималась робкая заря. Мы потопали примерно в сторону зари. Настроение улучшалось с каждым шагом. Не стало пурги, дорога была видна и немного даже укатана уехавшим обозом – что еще надо, чтобы добраться до рыбных мест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.